
УДК 340+082

ББК 94

Z 40

Wydawca: Sp. z o.o. «Diamond trading tour»

Druk i oprawa: Sp. z o.o. «Diamond trading tour»

Adres wydawcy i redakcji: Warszawa, ul. Wyszogrodzka, 16
e-mail: info@conferenc.pl

Cena (zł.): bezpłatnie

Zbiór raportów naukowych.

Z 40 Zbiór raportów naukowych. „Wpływ badań naukowych. (28.04.2013 - 30.04.2013) - Bydgoszcz: Wydawca: Sp. z o.o. «Diamond trading tour», 2013. - 56 str.
ISBN: 978-83-63620-99-8 (t.6)

Zbiór raportów naukowych. Wykonane na materiałach Międzynarodowej Naukowo-Praktycznej Konferencji 28.04.2013 - 30.04.2013 roku. Bydgoszcz.
Część 6.

УДК 340+082

ББК 94

Wszelkie prawa zastrzeżone.

Powielanie i kopiowanie materiałów bez zgody autora zakazany.

Wszelkie prawa do materiałów konferencji należą do ich autorów.

Pisownia oryginalna jest zachowana.

Wszelkie prawa do materiałów w formie elektronicznej opublikowanych w zbiorach należą Sp. z o.o. «Diamond trading tour».

Obowiązkowa odniesienia do zbioru.

ISBN: 978-83-63620-99-8 (t.6)

"Diamond trading tour" ©

SPIS /СОДЕРЖАНИЕ

SEKCJA 26. PRAWOZNAWSTWO. (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

1. Valentyna Kryzhna.....	5
SOME ISSUE OF HUMAN RIGHTS AND INTELLECTUAL PROPERTY	
2. Минибаев М.М.	7
ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА СКЛАДСКОГО ХРАНЕНИЯ С ОБЕЗЛИЧЕНИЕМ	
3. Аминов А.Р.	10
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ	
4. Евстефеева Ю.А.....	12
АНАЛИЗ ЗАКОННОСТИ УСТУПКИ ПРАВА ТРЕБОВАНИЯ В КРЕДИТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ КОЛЛЕКТОРСКИМ АГЕНТСТВАМ	
5. Ишмухаметов Р.Р.	15
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦА ОПАСНОГО ОБЪЕКТА	
6. Камалетдинова Д. С.	18
ПРИЧИНЫ БАНКРОТСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	
7. Хисматуллина А. Р.	20
ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ	
8. Пищулина Н. В.	23
ЗАТРУДНЕНИЯ В СТАНОВЛЕНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РФ	
9. Начарова М.А.	25
ОБЫЧАИ ДЕЛОВОГО ОБОРОТА В МОРСКОЙ ПЕРЕВОЗКЕ ГРУЗОВ	
10. Саубанов Р.Ф.....	28
КРЕДИТНАЯ КАРТА: УДОБСТВО ИЛИ БЕЗОПАСНОСТЬ?	
11. Skovronsky D.M.	30
SOCJALNE PAŃSTWO PRAWNE: IDEAŁ CZY RZECZYWISTOŚĆ?	

12. Косьминых Т.А.	38
ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В ОТНОШЕНИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ	
13. Науменко Ю.О.	41
ПРОБЛЕМНІ ПИТАННЯ КРИМІНОЛОГІЧНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ ЗЛОЧИНІВ В УМОВАХ ДІЇ КРИМІНАЛЬНОГО ПРОЦЕСУАЛЬНОГО КОДЕКСУ УКРАЇНИ	
14. Бердегулова Л. А.	46
ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ	
15. Бердегулова Л. А.	49
НАЦІЯ КАК СУБЪЕКТ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ	
16. Pashynska V.V.	52
CONCERNING DEFINITION OF THE PLACE OF A PROGRAM ACT IN THE SYSTEM OF LEGAL SOURCES	

ПОД- СЕКЦИЯ 7. Гражданское право.

Valentyna Kryzhna

The Candidate of Law Science (PhD), Associate professor
The National University “Yaroslav the Wise Law Academy of Ukraine”

SOME ISSUE OF HUMAN RIGHTS AND INTELLECTUAL PROPERTY

Intellectual property and human rights developed in virtual isolation from each other. No references to human rights appear in Paris Convention for the Protection of Industrial Property adopted on March 20, 1883, Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works adopted on September 9, 1886, Rome Convention for the Protection of Performers, Producers of Phonograms and Broadcasting Organizations adopted on October 26, 1961, and in the more recently adopted TRIPS Agreement. But now these two subjects are becoming increasingly intimate bodies of law. In the last few years, international standard setting activities have begun to map previously uncharted intersections between intellectual property law on the one hand and human rights law on the other.

In particular, the relationship between these two fields has captured the attention of governments and activist communities. They often raise human rights arguments as counterweights to the expansion of intellectual property in areas including freedom of expression, public health, education, privacy, agriculture and the rights of indigenous peoples. At the same time, creators and owners of intellectual property are asserting a human rights justification for the expansion of legal protections.

The human rights system is differentiating and expanding. We know the first, the second and the third generations of human rights. Similarly, it is abundantly clear that the intellectual property system is differentiating and expanding. We can now meaningfully talk about the regulatory globalization of intellectual property: the globalization of markets, regulation and firms. Moreover, there are three kinds of globalization going on in the world, which would affect this intersection between human rights and intellectual property.

Both TRIPS and TRIPS Plus treaties increased tensions between the international IP regime and other international regimes, including human rights. The human rights system turned its attention to TRIPS in 2000, just when the treaty’s transitional periods were expiring for developing countries. The Sub-Commission on the Promotion and Protection of Human Rights adopted Resolution 2000/7 on Intellectual Property Rights and Human Rights. The resolution adopts an antagonistic approach to TRIPS. It stresses that “actual or potential

conflicts exist between the implementation of the TRIPS Agreement and the realization of economic, social and cultural rights.” These conflicts cut across an exceptionally wide swath of legal terrain, including: 1) the transfer of technology to developing countries; 2) the consequences for the right to food of plant breeders’ rights and patenting of genetically modified organisms; 3) bio-piracy; 4) control of indigenous communities’ natural resources and culture; 5) the impact on the right to health from restrictions on access to patented pharmaceuticals. We have also the Declaration on the TRIPS Agreement and Public Health, adopted in 2001. This Declaration has been effective in promoting access to medicines.

Evaluating the burgeoning interaction between intellectual property rights and human rights is to a great extent contingent on whether the former are of purely legal character, or whether they can be classified as human rights themselves. Actually some intellectual property rights fit into the category of fundamental human rights.

We can find two distinct conceptual approaches to the human rights-intellectual property interface. The first approach views human rights and intellectual property as being in actual or potential fundamental conflict. The second approach to the intersection of human rights and intellectual property sees both areas of law as essentially compatible as essentially compatible, although often disagreeing over where to strike the balance between incentives on the one hand and access on the other. In particular, most countries must protect pharmaceutical patents. Yet they are also required to protect the rights to life and health. Patents impact the right to health care, particularly the access to pharmaceuticals, by enabling patent right holders to enjoy market exclusivity and to set higher prices for their products.

In the information society the intellectual property system is gaining increasing recognition and importance. At the same time the right to freedom of expression is guaranteed by various international instruments, as well as by national constitutions. However, opinions differ on whether the use of specific terms in business, and in particular trademark use, actually falls under the right of freedom of expression or whether this right essentially assures the freedom of opinion. Some intellectual property rules keep people from publishing, producing, and performing the speech that they want to publish, produce, and perform. It is important to identify the precise constitutional boundaries of the freedom of speech restrictions and the precise justifications for their validity.

There is a need for balance between intellectual property and human rights. Because too much protection by intellectual property or by technology may restrict the free flow of ideas on which the further progress of ideas and technology depends. So intellectual property rights must be balanced with human rights.

References

1. Helfer, Laurence R. *Human Rights and Intellectual Property: Mapping the Global Interface* / Laurence R. Helfer; Graeme W. Austin. Cambridge: Cambridge University Press 2011. - 550 p.
2. Hristova, Mirela V. *Are Intellectual Property Rights Human Rights? Patent Protection and the Right to Health* / Journal of the Patent and Trademark Office Society. – 2011. – № 93. – pp. 339-371.

Минибаев М.М.

Студент 3 курса Стерлитамакского филиала
Башкирского государственного университета
руководитель — к.ю.н., доцент Бердегулова Л.А.

ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА СКЛАДСКОГО ХРАНЕНИЯ С ОБЕЗЛИЧЕНИЕМ

В гражданском праве есть так называемый договор складского хранения с обезличением или так называемое иррегулярное хранение, предметом которого являются вещи, определенные родовыми признаками. До сих пор в российском праве нет единого мнения о том, кто является собственником вещей при иррегулярном хранении. Гражданский кодекс не дает ответа на этот вопрос. Статья 890 ГК РФ говорит только о том, что «поклажедателю возвращается равное или обусловленное сторонами количество вещей того же рода и качества». В науке существуют различные варианты ответа на вопрос о собственнике в этой ситуации.

Советский правовед-цивилист Михаил Михайлович Агарков предполагал, что собственником вещей при иррегулярном хранении является хранитель [2, с.69]. Этой же позиции придерживался советский и американский юрист Олимпиад Соломонович Иоффе [3, с.498] Однако если предположить, что собственником будет являться хранитель по договору, получается, что рассматриваемый договор ничем, кроме цели, не отличается от договора займа. Кроме того, у поклажедателя остается право распоряжаться вещью, находящейся на хранении. Из этого явно следует, что хранитель не может быть собственником вещи.

Есть и другое мнение о том, кто является собственником вещи по договору с обезличением. Михаил Исаакович Брагинский считал, что «отсутствие в ст. 890 ГК отсылки к договору займа означает выражение принципиальной позиции законодателя: включение иррегулярного хранения в главу «Хранение» означает, что речь идет об обычном хранении, при котором право собственности сохраняется за поклажедателем» [1, с.708]. Однако и эта позиция может быть признана спорной, так как право собственности, как и любое другое вещное право, может быть только на индивидуально-определенную, конкретную вещь. В связи с этим следует отметить, что существуют также различные мнения о том, какую вещь следует считать достаточно индивидуализированной. В частности, М.М. Агарков считал, что, если товар принят на хранение с обезличением, то он входит в общую массу соответствующего товара, находящегося на складе, и эта общая масса «составляет индивидуализированный путем выделения объект непосредственного владения складского предприятия и посредственного общего владения всех владельцев документов, выданных на этот товар» [2, с.308].

Нужно обратить внимание на положение ст. 918 ГК РФ, посвященной хранению вещей с правом распоряжения ими. Такое хранение в отличие от иррегулярного не является хранением в собственном смысле этого слова. При хранении с обезличением вещи находятся у хранителя и не выбывают из его непосредственного владения. При иррегулярном хранении, как уже говорилось,

право собственности у хранителя не возникает. В силу ст. 918 ГК РФ к договору хранения вещей с правом распоряжения ими будут применяться правила гл. 42 ГК РФ о займе, и только время и место возврата вещей будут регулироваться положениями главы о хранении. По всем признакам такой договор будет являться договором займа, при этом у «хранителя» возникает право собственности на вещь. В связи с этим представляется невозможным выдавать складские свидетельства на вещь, сданную на хранение с правом распоряжения, так как это будет противоречить сущности складского свидетельства как товарораспорядительной ценной бумаги.

Следует отметить субъектный состав договора хранения на товарном складе. Хранителем по этому договору в соответствии с прямым указанием п. 1 ст. 907 ГК РФ является товарный склад. В роли товарного склада должен выступать профессиональный хранитель, то есть «организация, осуществляющая в качестве предпринимательской деятельности хранение товаров и оказывающая связанные с хранением услуги». Статья 908 ГК РФ предусматривает, что склад общего пользования, на который возложена обязанность принимать товары на хранение от любого товаровладельца, в отличие от обычного товарного склада, может быть исключительно коммерческой организацией. Эта же статья предусматривает возможность лицензирования деятельности товарных складов общего пользования. Необходимость лицензирования услуг, связанных с хранением, как и само хранение, возникает, в основном, в связи с оборотом отдельных видов товара, например, с деятельностью, связанной с оборотом и хранением наркотических средств и психотропных веществ (ст. 17 ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»). Физические лица, в том числе зарегистрированные в качестве предпринимателей, не вправе выступать хранителями по договору складского хранения и выдавать складские свидетельства, так как по ст. 907 ГК РФ «товарным складом признается организация».

Второй стороной договора складского хранения является поклажедатель. В настоящий момент законодательство не устанавливает ограничений на предмет правоспособности хозяйствующих субъектов быть поклажедателями по данному договору и владеть складскими свидетельствами. Любое лицо может стать держателем свидетельства. Однако следует обратить внимание на то, что в рассматриваемом нами договоре (в отличие от общих положений по хранению) сторона в договоре названа не просто поклажедателем, а товаровладельцем. В связи с этим возникло мнение, что «контрагентами товарного склада могут быть лишь те, для кого передаваемые на хранение вещи являются товаром, то есть такими вещами, продажу которых поклажедатель может осуществлять в рамках своей предпринимательской деятельности» [1, с.754]. Сложно представить, что только на основании ст. 907 ГК РФ, называющей поклажедателя товаровладельцем, можно оспаривать природу уже заключенного договора складского хранения и выданного складского свидетельства, даже если предметом договора являются не те вещи, которые предназначены поклажедателем для продажи. Важно, чтобы предмет договора хранения на товарном складе был (так или иначе) связан с предпринимательской деятельностью поклажедателя.

Таким образом, проблемы в сфере договора хранения на товарном складе предопределены различными факторами, основными из которых являются:

недостаточный уровень теоретической разработанности; спорность некоторых положений действующего законодательства, наличие пробелов в правовом регулировании отношений по складскому хранению вообще и хранению с обезличением в частности; недостаточно оптимальные варианты закрепленного поведения участников процесса хранения, что неизбежно отражается на качестве исполнения обязательств и вызывает определенные трудности в арбитражной практике.

Литература:

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья – Москва, 2002.–755с.
2. Агарков М.М. Основы банковского права. Учение о ценных бумагах. – Москва, 1994.– 336 с.
3. Иоффе О.С. Обязательственное право – Москва, 1975.– 880с.

Аминов А.Р.

Студент 3 курса Стерлитамакского филиала
Башкирского государственного университета
руководитель — к.ю.н., доцент **Бердегулова Л.А.**

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Основными задачами законодательства о защите прав потребителей на современном этапе являются: урегулирование отношений, возникающих между потребителями и изготовителями, исполнителями, продавцами при продаже товара, оказании услуг, выполнении работ; установление прав потребителей на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества и безопасных для жизни и здоровья, на получение достоверной информации о товарах, работах, услугах и об изготовителях, исполнителях, продавцах, на государственную и общественную защиту своих интересов; определение механизма реализации этих прав; информационное обеспечение предупреждения нарушений прав потребителей на безопасность товара.

9 апреля 1985 года Генеральная Ассамблея ООН закрепила руководящие принципы защиты прав потребителей. Правовые основы в области прав потребителей в Российской Федерации представляет комплексный институт, который образуют нормативные акты и отдельные правовые нормы отраслей права. В них отражены основополагающие принципы защиты потребительских прав. Национальная политика в сфере защиты прав потребителей основывается на Конституции Российской Федерации, Гражданском кодексе Российской Федерации, Законе Российской Федерации «О защите прав потребителей» и иных федеральных законах и нормативных правовых актах, регулирующих отношения в области защиты прав потребителей.

К основным правам потребителей этим документом отнесены права на безопасность товаров, информацию, выбор товаров, выражение своих интересов, удовлетворение основных потребностей, возмещение ущерба, потребительское образование, здоровую окружающую среду, экологическую безопасность.

С введением в действие в апреле 1992 года Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» была создана правовая основа для формирования и реализации целенаправленной политики в этой сфере. Создана система защиты прав потребителей, которую образуют федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека и их территориальные управления; федеральные органы исполнительной власти и их территориальные подразделения, осуществляющие контроль качества и безопасности товаров; органы местного самоуправления; общественные объединения потребителей. Составляющие систему элементы осуществляют весь комплекс работ по формированию и реализации национальной политики в сфере защиты прав потребителей на национальном, региональном и муниципальном уровнях. Настоящий закон регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, продавцами

при продаже товаров, устанавливает права потребителей на приобретение товаров надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды, получение информации о товарах и об их изготовителях (продавцах), просвещение, государственную и общественную защиту их интересов, а также определяет механизм реализации этих прав.

Для предупреждения, выявления и пресечения нарушений прав потребителей соответствующие органы рассматривают заявления и обращения потребителей и хозяйствующих субъектов, консультируют их по вопросам потребительского законодательства, проводят проверки хозяйствующих субъектов, принимают меры к добровольному урегулированию споров, прибегают к мерам административного воздействия на нарушителей законодательства, осуществляют судебную защиту прав потребителей, информируют и обучают население, вырабатывают предложения по совершенствованию защиты прав потребителей.

Способы защиты представляют собой комплекс мер, применяемых в целях обеспечения свободной реализации субъективных прав. В настоящее время для защиты прав потребителей в законодательстве используются пять гражданско-правовых способов защиты – самозащита права, изменение или прекращение правоотношения, возмещение убытков, взыскание неустойки и возмещение морального вреда.

Но эффективной защите прав препятствует такая проблема большого количества нарушений законодательства в сфере потребительских прав. Наиболее эффективным методом борьбы с правонарушениями на потребительском рынке, в большей степени отвечающим интересам жителей, является не защита уже нарушенных прав, а их предупреждение и профилактика. Для решения данной проблемы необходимо повышать уровень защищенности потребителей от действий недобросовестных изготовителей, продавцов, исполнителей работ и услуг. Помогут снизить количество нарушений меры стимулирования повышения качества товаров, работ и услуг; развитие системы подготовки и повышения квалификации кадров; проведение независимых потребительских экспертиз; поддержка общественных организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению защиты прав потребителей.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, Гражданский кодекс Российской Федерации, Закон «О защите прав потребителей» и другие нормативные акты на законодательном уровне закрепляют принципы охраны прав и интересов граждан-потребителей. Контроль за осуществлением прав потребителей может осуществляться только при наличии добротной правовой базы и строгом соблюдении законов.

Литература:

1. Ашиткова Т., Маматов М. Защита прав потребителей // Законность. - 2005. - №9. - С. 496.
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 28.07.2012) «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. - 1996. - № 3. - Ст.140.

Евстефеева Ю.А.

Студентка 3 курса Стерлитамакского филиала
Башкирского государственного университета
руководитель — к.ю.н., доцент **Бердегулова Л.А.**

АНАЛИЗ ЗАКОННОСТИ УСТУПКИ ПРАВА ТРЕБОВАНИЯ В КРЕДИТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ КОЛЛЕКТОРСКИМ АГЕНТСТВАМ

Исполнив обязательство по предоставлению кредита, банк рассчитывает на возврат переданной суммы денежных средств в некотором увеличенном размере с учетом процентов годовых, начисляемых в качестве платы за использование кредита. Однако при наступлении определенных обстоятельств банк может стать перед необходимостью уступки права требования возврата долга другим субъектам права.

В настоящее время получила широкое распространение уступка требования возврата долга по кредиту некредитным организациям, в частности коллекторским агентствам, суть деятельности которых заключается во взыскании просроченной задолженности с заемщика.

Правовой основы, регулирующей данный вид предпринимательской деятельности в российском законодательстве нет. Однако кредитные организации при появлении у них просроченных кредитов всё же пользуются услугами подобных агентств, ссылаясь на ряд положений Гражданского кодекса РФ. В данной ситуации страдают должники: нарушается их право на личную жизнь, право на неразглашение их персональных данных и др. Ряд коллекторских агентств оказывает психологическое давление на личность должника.

В связи с этим возникает вопрос о законности применения уступки права требования долга по кредиту коллекторским агентствам.

В соответствии со ст. 388 ГК РФ уступка требования кредитором другому лицу допускается, если она не противоречит закону, иным правовым актам или договору. При этом не допускается без согласия должника уступка требования по обязательству, в котором личность кредитора имеет существенное значение для должника. По общему правилу, согласно п. 2 ст. 382 ГК РФ согласия должника не требуется, но он может полагать, что личность банка имеет для него существенное значение и что необходимо его согласие для совершения уступки права требования по кредиту[1].

В соответствии с п. 2 ст. 385 ГК РФ, «кредитор, уступивший требование другому лицу, обязан передать ему документы, удостоверяющие право требования, и сообщить сведения, имеющие значение для осуществления требования»[1]. Такими документами в рамках отношений по кредитному договору может являться сам как таковой кредитный договор. При этом должник вправе не исполнять обязательство новому кредитору до предоставления ему доказательств перехода требования к этому лицу.

Кроме того, по смыслу ст. 384 ГК РФ право первоначального кредитора должно переходить к новому в том объеме и на тех условиях, которые существовали

к моменту перехода права. Поэтому такие коллекторские агентства, не являющиеся субъектами банковской деятельности, ни при каких обстоятельствах не должны заменить банк в качестве нового кредитора. В противном случае необходимо говорить о выходе за пределы правоспособности лица, не являющегося кредитной организацией, и нарушении условий банковского кредитования. Все вопросы должник должен решать именно с банком, причем спор должен разрешаться в судебном порядке. Коллекторские агентства могут стать участником судебного процесса только в силу соответствующей доверенности на предоставление интересов банка в суде.

Предоставление денежных средств как банковская операция является квалифицирующим действием для определения сущности кредитного договора, в котором на стороне кредитора может выступать только кредитная организация. Предположение, что исполнение обязательства по возврату кредита не предполагает наличия кредитной организации на стороне кредитора, так как данное действие не попадает в перечень банковских операций, несостоятельно, так как если следовать такому предположению, то выходит, что и заключение кредитного договора как сделки также не требует наличия специального субъекта банка, поскольку данное действие также не отнесено к перечню банковских операций.

Между тем, банк, исходя из нормы «Банковская тайна», закрепленной в ст. 26 Федерального закона № 395-1 «О банках и банковской деятельности» и ст. 857 ГК РФ, обязан гарантировать тайну банковского счета и банковского вклада, операций по счету и сведений о клиентах, что делает невозможным соответствующую уступку права требования по обязательствам, возникшим между банком и заемщиком, без нарушения приведенных положений названных законодательных актов[2]. Конституция РФ в ст. 23 гарантирует каждому неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени. Институт банковской тайны является составной частью неприкосновенности частной жизни[1].

Таким образом, при уступке права требования возврата кредита коллекторским агентствам, банк передает информацию, составляющую банковскую тайну, в нарушение норм как общегражданского, так и специального законодательства.

Основной проблемой в данном случае является то, что в законодательстве недостаточно внимания уделяется вопросам ответственности за нарушение банковской тайны, что и является одной из причин, по которой ее нарушение вообще не рассматривается как проблема. Уголовная ответственность в соответствии с ч. 2 ст. 183 УК РФ действительно наступает за разглашение банковской тайны лишь при отсутствии согласия владельца информации, такое согласие должно соответствовать закону. Другие виды ответственности: незначительные штрафы в случае применения мер административной ответственности в соответствии с КоАП РФ или ст. 74 Федерального закона от 10.07.2002 N 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации», а также невпечатляющие перспективы применения гражданско-правовой ответственности[3].

Итак, учитывая изложенное, можно заключить, что действующее российское законодательство исключает возможность уступки права требования возврата долга по кредиту и уплаты процентов субъектам небанковской деятельности. Любая уступка такого требования некредитной организации должна признаваться

ничтожной как противоречащая требованиям закона.

И видится только единственное решение данного Решение вопроса – это законодательное установление в ФЗ № 395-1 “О банках и банковской деятельности” соответствующей нормы, запрещающей коллекторскую деятельность в банковской сфере.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации(часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ//Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 1996г. № 5 ст. 410.
2. Федеральный закон № 395-1 «О банках и банковской деятельности» от 14 марта 2013 г. № 29-ФЗ.
3. <http://www.ezh-yurist.studhistory.ru/content-print-54.html>

Ишмухаметов Р.Р.

Студент 3 курса Стерлитамакского филиала
Башкирского государственного университета
руководитель — к.ю.н., доцент Бердегулова Л.А.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦА ОПАСНОГО ОБЪЕКТА

Одним из видов обязательного страхования в Российской Федерации является обязательное страхование гражданской ответственности владельца опасного объекта. Его правовой основой является Глава 48 Гражданского кодекса РФ, Федеральный закон от 27.07.2010 №225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте», согласно которому не допускается ввод в эксплуатацию и эксплуатация опасных объектов без наличия полиса обязательного страхования[1].

Создание специальной системы обязательного страхования в сфере эксплуатации опасных объектов была обусловлена высоким уровнем опасности таких аварий для жизни, окружающей среды, здоровья и имущества людей.

Анализ практики осуществления данного вида страхования показывает, что существует ряд проблем, связанных с его осуществлением и применением Федерального закона № 225-ФЗ.

Во-первых, необходимо отметить низкий уровень проникновения этого вида страхования. За 2012 год было застраховано примерно 55% от общего количества опасных объектов, подлежащих страхованию. За этот период произошло 289 аварий, из которых только 29 были заявлены в страховые компании. Из 110 человек, погибших в результате аварии, страховщики получили информацию только по 15, из 155 человек, здоровью которых был причинен вред, было заявлено только 7, то есть всего 14 % погибших и 5 % получивших вред здоровью были застрахованными по новому закону[3].

Во-вторых, серьезным недостатком принятого закона является то, что он не предусматривает покрытия вреда, причиненного окружающей среде. Анализ показателей 2012 года свидетельствует о том, что всего страховыми компаниям было возмещено 130 млн рублей убытков, но на восстановление окружающей среды денежные средства предоставлены не были.

Становится очевидным, что в отношении риска нанесения вреда окружающей среде необходимо либо принять отдельный закон, либо внести изменения в Федеральный закон №225-ФЗ. Кроме того, в отсутствие законодательных изменений, ничто не мешает страховщикам развивать этот вид страхования как добровольный. Для большинства предприятий, особенно химических и нефтехимических, этот риск актуален, предприятия сами заинтересованы покрывать его в добровольном порядке, по собственному желанию.

В-третьих, данный закон также не предусматривает обязательного страхования ответственности физических лиц, являющихся владельцами опасных

объектов. Если юридическое лицо владеет АЗС, оно обязано застраховать риск причинения, а для физического лица – такая обязанность не установлена [1]. Это тоже один из серьезных минусов закона. Представляется, что в отношении физических лиц-владельцев опасных производственных объектов также требуется доработать Федеральный закон 225-ФЗ.

На территории нашей страны имеются большое число бесхозных опасных объектов, особенно гидротехнических сооружений, что также создает определенные проблемы в обеспечении своевременных выплат потерпевшим. Сейчас государственные надзорные органы ведут работу по выявлению бесхозных опасных объектов и постановке их на баланс муниципалитетов, с тем чтобы могли быть заключены договоры обязательного страхования объектов в рамках действующего законодательства. В этом случае, если что-то произойдет на этих объектах, потерпевшим будет выплачено возмещение в размерах, предусмотренных законом об обязательном страховании опасных объектов.

Есть и другие риски, не подлежащие обязательному страхованию опасных производственных объектов. В частности не подлежат страхованию объекты, расположенные на континентальном шельфе. По всем этим пунктам следует определить позицию на законодательном уровне[2].

Что касается практической работы страховых компании по заключению договоров страхования, то и тут есть ряд проблем. Предприятия-страхователи столкнулись с тем, что в связи с новым видом страхования увеличился непосредственный объем бумажной работы. Если раньше один договор мог заключаться, к примеру, на 10 объектов, то сейчас закон требует отдельного комплекта документов по каждому объекту.

К тому же стало не редкостью, что полисы, выдаваемые страховыми компаниями являются не законными, так как выдаются страховщиками, у которых нет лицензии на обязательное страхование. Что касается нарушений в расчетах, здесь ключевую роль играет надзорная деятельность Национального союза страховщиков ответственности. Без последовательной позиции союза научить страховщиков работать правильно будет невозможно[4].

Еще одна серьезная проблема – необоснованное применение понижающих коэффициентов, умышленные действия страховщиков, связанные с некорректной выдачей полисов, что дискредитируют страховую отрасль в целом.

Путь решения этих проблем видится в повышении информированности, как среди населения, так и среди предприятий-страхователей и экспертных организаций.

Таким образом, обязательное страхование гражданской ответственности владельца опасного объекта приобретает всё большую актуальность. В связи с этим полагаем необходимым внести изменения в Федеральный закон № 225-ФЗ и повысить информированность как населения, так и предприятия.

К числу положительных результатов принятия закона о страховании опасных производственных объектов можно отнести, в первую очередь, повышение социальной защищенности граждан, создание прозрачного механизма получения страховых выплат, наличие четкого перечня застрахованных рисков. Теперь пострадавшие знают, сколько и за что они могут получить, известно, какие документы надо подать, к кому обратиться и т.д. Кроме того, предприятия

стимулируются к выполнению предписаний надзорных органов, поскольку при наличии неисполненного в срок предписания у страховщика возникает возможность предъявления регрессных требований за возмещенные убытки.

Литература:

1. Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» от 27.07.2010г. (в ред. от от 04.03.2013) №225-ФЗ// Российская газета, № 169 от 02.08.2010г.
2. Елизарова Н.В. Страхование право. Учебный курс.- М.:Наука,2011.
3. <http://rssportal.ru/feed/226165/region/72111>
4. <http://www.insur-info.ru/opinions/9/>

Камалетдинова Д. С.

Студентка 3 курса Стерлитамакского филиала
Башкирского государственного университета
руководитель — к.ю.н., доцент Бердегулова Л.А.

ПРИЧИНЫ БАНКРОТСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Мировая рыночная экономика не знает примеров организаций, которых когда-либо не коснулись кризисные ситуации в той или иной мере.

Банкротство (несостоятельность) - признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.[2]

В качестве основных причин возникновения банкротства, на мой взгляд, можно выделить следующие:

1. Это объективные причины: несовершенство финансовой, денежной, кредитной, налоговой систем, нормативной и законодательной базы российской экономики; а также достаточно высокий уровень инфляции

2. Субъективные причины, относящиеся непосредственно к операционной деятельности предприятий, среди которых неспособность топ-менеджмента предусмотреть банкротство и избежать его в будущем; снижение объемов продаж из-за плохого изучения спроса, отсутствия сбытовой сети, рекламы; снижение объемов производства; снижение качества и цены продукции; приближение цен на некоторые виды продукции к ценам на аналогичные, но более высококачественные импортные; неоправданно высокие затраты; низкая рентабельность продукции; большие долги, взаимные неплатежи; слабая адаптированность руководителей-представителей старой школы управления к жестким реальностям формирования рынка, их неумение проявлять находчивость в налаживании выпуска и сбыта продукции, пользующейся повышенным спросом, выбирать эффективную финансовую, ценовую и инвестиционную политику и т.д.

В качестве первых сигналов надвигающегося банкротства обычно рассматривают резкие изменения в структуре баланса и отчета о прибылях и убытках.

Вопрос банкротства всегда волновал как экономистов, политиков, так и лиц, непосредственно связанных с этой процедурой. По этому поводу на государственном уровне принимаются не только ФЗ, но проводятся конференции. Так на очередной конференции “Первый год действия нового закона о банкротстве: результаты и перспективы” участники подчеркивали, что банкротство в России носит ликвидационный характер. Председатель Счетной палаты Сергей Степашиин сравнил современную ситуацию с древнеримским законом XII таблиц: тогда на части разрубали должника, сейчас — его бизнес. По статистике, в ходе ликвидационных процедур сохранить удается в лучшем случае 60% бизнеса и, соответственно, рабочих мест. Между тем, по словам президента ТПП РФ Евгения Примакова, на грани банкротства за два последних года оказалось более 100 градообразующих

организаций, распродажа которых с молотка грозит социальными конфликтами [3].

Необходимо отметить и тот факт, что причиной банкротства, о чем также велось обсуждение и на конференции, может быть нежелание лица рассчитываться со своими долгами, тогда возникает фиктивное банкротство, «лжебанкротство». Однако новый закон о банкротстве существенно усложнил порядок возбуждения дел, и число новых заявлений в арбитражные суды сократилось почти в восемь раз. Руководитель ФСФО Татьяна Трефилова отметила, что сейчас «заказные банкротства сведены к единичным случаям». Для передела собственности, однако, нашелся обходной путь: по словам госпожи Трефиловой, центр тяжести переместился с заказных банкротств в область корпоративного права — вывод имущества стал происходить до банкротства.

В 2002 году ФСФО выявила 457 случаев преднамеренного и фиктивного банкротства, в 2003-м — 417. За 2006 год в России было совершено 926 незаконных банкротства. За первые два месяца 2007 года выявлено 177 фактов незаконного банкротства. Уголовный кодекс предусматривает за эти преступления до шести лет лишения свободы, однако выявить их и доказать факт их совершения очень трудно

Нельзя забывать и о следующей причине (предпосылке) банкротства:

Серьезной проблемой является так называемое «недружественное поглощение». По данным ТПП, только в Москве ежегодно более 200 предприятий является объектами «недружественных поглощений». Методами таких действий является скупка акций и долговых обязательств[4].

Таким образом, могу смело сказать, что на современном этапе в России хоть и вводятся новые процедуры, свойственные рыночной экономике 21 века, все же остается не до конца решенным вопрос о банкротстве и способах устранения причин его возникновения, которые в РФ приводят зачастую к ликвидации юридического лица.

Литература

1. Гражданский кодекс (часть вторая) от 26.01.1996 г. №14-ФЗ (ред. 30.11.2011 г.) // Российская газета, 8 декабря 1996 г. №238-239
2. Антонова О.В. Управление кризисным состоянием организации. - М.: ЮНИТИ, 2004.
3. <http://abos.ru/?p=36855>
4. <http://www.auditfinprom.ru/>

Хисматулина А. Р.

Студентка 3 курса Стерлитамакского филиала
Башкирского государственного университета
руководитель — к.ю.н., доцент **Бердегулова Л.А.**

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Договор на оказание медицинских услуг заключается между потребителем (пациентом) и исполнителем (медицинской клиникой), а непосредственно осуществляется медицинским персоналом. Исполнитель получает от оказания услуг населению доход (прибыль) путем непосредственной оплаты.

В случае причинения вреда здоровью или жизни потребителя (пациента) некачественным оказанием платных медицинских услуг гражданско-правовая ответственность должна наступать по правилам ст.ст. 1084, 1085 Гражданского кодекса РФ (далее - ГК РФ) и ст.ст.13-15 Закона РФ «О защите прав потребителей» [1].

Потребители, пользующиеся платными медицинскими услугами, вправе требовать предоставления услуг надлежащего качества, сведений о наличии лицензии и сертификата, о расчете стоимости оказанной услуги.

При несоблюдении исполнителем обязательств по срокам исполнения услуг потребитель вправе по своему выбору:

- 1) назначить новый срок оказания услуги;
- 2) потребовать уменьшения стоимости предоставленной услуги;
- 3) потребовать исполнения услуги другим специалистом;
- 4) расторгнуть договор и потребовать возмещения убытков.

Нарушение установленных договором сроков исполнения услуг должно сопровождаться выплатой потребителю неустойки в порядке и размере, определяемых Законом Российской Федерации «О защите прав потребителей» или договором [2]. По соглашению (договору) сторон указанная неустойка может быть выплачена за счет уменьшения стоимости предоставленной медицинской услуги, предоставления потребителю дополнительных услуг без оплаты, возврата части ранее внесенного аванса.

Действующее российское законодательство предусматривает, что в случаях причинения вреда здоровью граждан виновные обязаны возместить потерпевшим ущерб в объеме и порядке, установленных законодательством Российской Федерации (ст. 66 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан).

Следует отметить, что гражданско-правовая ответственность наступает:

- 1) при неисполнении или ненадлежащем исполнении медицинской услуги;
- 2) при недостоверной или недостаточной информации о медицинской услуге;
- 3) при продаже негодного товара или товара ненадлежащего качества (например, лекарственных средств).

4) несоблюдение требований, предъявляемых к методам диагностики, профилактики и лечения, разрешенным на территории Российской Федерации, а также в случае причинения вреда здоровью и жизни потребителя [3].

При удовлетворении исковых требований возмещение ущерба вреда здоровью и компенсации материального вреда обращается на медицинское учреждение, в котором работает врач, причинивший вред вследствие исполнения служебных обязанностей. На учреждение нельзя возложить обязанность по выплате взыскиваемых сумм, если врач, подлежащий ответственности, причинил вред здоровью или жизни пациента, не связанное с его трудовой деятельностью в конкретной медицинской организации.

Разрешая и приходя к выводу об удовлетворении требований о денежной компенсации морального вреда, суды руководствуются ст. 150 ГК РФ, так как жизнь и здоровье граждан являются их нематериальным благом, за виновное посягательство на которые предусмотрена компенсация морального вреда.

Права потребителей платных медицинских услуг, чаще оказываемых частными медицинскими учреждениями, закрепляются в договоре возмездного оказания услуг, на который распространяются все общие правила гражданского права. При этом необходимо учесть следующее важное обстоятельство: при рассмотрении требований о возмещении убытков, причиненных недостоверной или недостаточной информацией об услуге, необходимо исходить из предположения об отсутствии у потребителя специальных познаний о свойствах и характеристиках услуги.

Необходимо также отметить, что потребитель имеет право потребовать расторжения такого договора без оплаты выполненных услуг, а также потребовать возмещения убытков не обязательно только при наступлении определенного вредоносного результата. Для этого достаточно того, чтобы пациент или клиент доказал убытки, которые он понес при заключении договора на оказание медицинской услуги, не обладающей свойствами, которые он имел в виду, то есть заключил договор вследствие неполноты или недостоверности полученной от медицинского работника информации[1].

Следующее важное положение заключается в том, что возмещение ущерба не освобождает медицинских работников от привлечения их к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

За невыполнение требований действующего законодательства регулирующего оказание платных медицинских услуг исполнитель в установленном порядке может быть лишен лицензии или права предоставления населению платных медицинских услуг. Исполнитель освобождается от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение медицинской услуги в следующих случаях: если докажет, что неисполнение или ненадлежащее исполнение произошло вследствие непреодолимой силы или по иным основаниям, предусмотренным законом (в том числе по вине пациента). К этим обстоятельствам не могут относиться, в частности, нарушение обязанностей со стороны контрагентов исполнителя, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствие у исполнителя необходимых денежных средств.

Таким образом, неисполнение или ненадлежащее исполнение платных медицинских услуг может повлечь для недобросовестного исполнителя не только обязанность возмещения убытков, но и бремя дополнительных санкций в виде компенсации морального вреда, взыскания неустойки, пени (в том числе штрафной)

в порядке и размере, определяемых Законом о защите прав потребителей. Также, возможно наступление ответственности за нарушение прав пациентов как потребителей, в случае причинения последним имущественного и морального вреда из-за некачественного оказания услуги или из-за недействительности условий договора, ущемляющих права потребителей, установленные нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Литература

1. Гражданский кодекс (часть вторая) от 26.01.1996 г. №14-ФЗ (ред. 30.11.2011 г.) // Российская газета, 8 декабря 1996 г. №238-239
2. Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1(ред. от 18.07.2011г.) «О защите прав потребителей»// Российская газета, 16.01.1996 г. № 8.
3. Федеральный закон от 21.11.2011 г. №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации » //Российская газета, 23.11.2011 г., № 5639

Пищулина Н. В.

Студентка 3 курса Стерлитамакского филиала
Башкирского государственного университета
руководитель — к.ю.н., доцент Бердегулова Л.А.

ЗАТРУДНЕНИЯ В СТАНОВЛЕНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РФ

На сегодняшний день одним из прибыльных видов деятельности является индивидуальное предпринимательство. Рыночная экономика строится на бизнесе, с которым нам приходится сталкиваться практически каждый день.

На федеральном уровне поставлена задача, чтобы в малый и средний бизнес (МСП) в регионах страны к 2020 году привлечь не менее половины трудоспособного населения [1]. В помощь бизнесу к уже имеющемуся десятку с лишним структур и механизмов господдержки создаются фонды поддержки, среди которых - Гарантийный фонд, Фонд микрофинансирования субъектов МСП, бизнес-инкубатор, Евро Инфо Корреспондентский центр, центр коллективного пользования, центр трансферта технологий, координационный совет по развитию МСП и другие. Но на сегодняшний день стоимость консультативного сопровождения деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства достаточно высока, что не способствует достижению высоких экономических результатов в предпринимательской деятельности.

И как ни странно, но на сегодняшний день получить кредит у банка для индивидуального предпринимателя остается проблемой. Происходит это из-за того, что банки-кредиторы в основном заточены на выдачу ссуд для физических и юридических лиц. Для первых важна справка о доходах и трудовая книжка, для вторых – ведение бухгалтерского учета (отражение дохода и оборота).

Многие банки попросту не кредитуют предприятия и ИП, использующие «вмененку», которая не привязана ни к доходам, ни к расходам предпринимателя. А если и кредитуют, то предъявляют очень жесткие требования к отчетности. Мало шансов и на получение кредита без материального обеспечения. Беззалоговое кредитование индивидуальных предпринимателей существует, только вот в качестве обеспечения так или иначе выступит товар в обороте, и сумма кредита в этом случае будет минимальна. Наиболее предпочтительным видом залога является любая ликвидная недвижимость, в залог также берут оборудование и транспорт. При этом кредит выдается на сумму до 50-60% от стоимости предоставленного залога.

Стоимость кредитов для ИП остается высокой по сравнению с простыми физическими лицами. Средняя ставка держится на уровне 23% годовых для кредитов с залогом и 30% для беззалоговых займов. С учетом банковских комиссий и дополнительных затрат эффективная ставка колеблется от 35% до 40% годовых [2].

Важной трудностью для ИП при его открытии и дальнейшем развитии является нововведение в пенсионной сфере.

В проекте системы обязательного пенсионного страхования предлагается изменить формулу расчета фиксированного размера страховых взносов на

обязательное пенсионное страхование для самозанятых лиц. В результате платежи для индивидуальных предпринимателей (ИП) существенно вырастут.

Законопроект подготовлен в целях обеспечения оптимизации расходов и сбалансированности бюджета Пенсионного фонда, а также в целях реализации Основных направлений налоговой политики на 2013-й и плановый период 2014-2015 годов. В законопроекте предусматривается поэтапное (в течение трех лет) увеличение фиксированного размера страховых взносов на обязательное пенсионное страхование для самозанятых лиц. Согласно финансово-экономическому обоснованию, сумма страховых взносов на страховую часть пенсии в результате этого повышения в 2013 году увеличится на 40,67 млрд руб., в 2014-м - на 60,46 млрд руб., а в 2015 - на 79,76 млрд руб.

Сегодня предприниматели, а также адвокаты и нотариусы, занятые частной практикой (так называемые самозанятые лица), платят страховые взносы по тарифу 34%, установленному ст. 12 Федерального закона N 212-ФЗ. Этот тариф берется с одного МРОТ за каждый месяц, что составляет 17 285 рублей в год. Эту сумму и должны платить самозанятые граждане в ПФР. Если сегодня в расчете фиксированного платежа стоит 1 МРОТ, то в следующем году это будет уже 2 МРОТ, затем - 2,5 и с 2015 года - 3 МРОТ. То есть в 2013 году ожидается уплата вдвое большего взноса, а в 2015-м - втрое большего, чем вносили ИП и другие самозанятые лица в 2012 году.[3]

Предприниматели возмущены предлагаемыми изменениями[3].

Пересмотр данной реформы, на наш взгляд, просто необходим, иначе это приведет к катастрофическим последствиям в самом недалеком будущем.

Литература

1. http://www.open-buro.ru/article/kak_poluchit_status_individualnogo
2. <http://i-predprinimatel.ru/>
3. <http://www.rg.ru/2013/01/25/reg-skfo/mbizn.html>

Начарова М.А.

Студентка 3 курса Стерлитамакского филиала
Башкирского государственного университета
руководитель — к.ю.н., доцент Бердегулова Л.А.

ОБЫЧАИ ДЕЛОВОГО ОБОРОТА В МОРСКОЙ ПЕРЕВОЗКЕ ГРУЗОВ

В настоящее время, в морской перевозке грузов широко применяются обычаи делового оборота. Однако обычай этот имеет отличия от обычаев делового оборота, закрепленных в Гражданском Кодексе Российской Федерации. Необходимо отметить, что различия эти незначительны и обусловлены довольно узкой специализацией самих обычаев, ведь применяются они именно в морской перевозке грузов. Интересен тот факт, что в действующем Гражданском Кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ), термин обычаи делового оборота был заменен на обычай. Сделано это было для того, чтобы убрать ограничение, из-за которого отношения, к которым применялся данный обычай, могли быть только деловыми и должны были относиться к предпринимательской сфере. [1]

Таким образом, можно сказать, что обычаем признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе и сделать вывод о том, что теперь одним из источников гражданского права будет являться просто обычай в предпринимательской сфере или какой-либо иной сфере, чего не было ранее действовавшим ГК РФ. Также необходимо учитывать, что в данной статье рассматриваются именно портовые обычаи, то есть правила поведения, взаимоотношения сторон в морской перевозке грузов. [2]

В настоящее время, на применение обычаев в морской перевозке грузов указывают и другие акты. Например, в «Конвенцией Организации Объединенных Наций о морской перевозке грузов», заключенной в Гамбурге в 1978, имеются перечисления тех случаев, когда стороны договора имеют право применять обычаи. Так, согласно п. 1 ст. 9: «Перевозчик имеет право перевозить груз на палубе только в том случае, если такая перевозка соответствует обычаю данной отрасли торговли». Также этой же конвенцией уточняется возможность применения обычаев «в случаях, когда грузополучатель не принимает груз от перевозчика». [3]

Кроме этого, применение такого вида обычаев закреплено в Федеральном законе «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В статье 3 данного Федерального закона дается дефиниция понятия обычая, по которой обычаем морского порта признается правила поведения, сложившиеся и широко применяемые при оказании услуг в морском порту и не предусмотренные законодательством Российской Федерации. Также указывается то, что обычаи морского порта «не должны противоречить Конституции Российской Федерации, общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам Российской Федерации, Кодексу торгового мореплавания Российской Федерации, настоящему

Федеральному закону, другим федеральным законам и иным нормативным правовым актам Российской Федерации». [4]

Кроме этого данная статья сообщает о том факте, что Торгово-промышленная палата Российской Федерации свидетельствует обычаи морского порта. Данное действие закреплено в «Положении о порядке свидетельствования ТПП РФ обычаев морских портов в Российской Федерации». В данном положении приводится точный порядок самого процесса свидетельствования данных обычаев. Вкратце его можно описать следующим образом:

На первом этапе происходит подача заявления. Лицо, желающее засвидетельствовать такой обычай подает заявление, подписанное подписанного капитаном соответствующего морского порта или лицом, его замещающим в ТПП РФ. К заявлению должно быть приложены: текст обычаев морского порта, письменное заключение территориальной ТПП, на территории деятельности которой находится соответствующий морской порт, а также письменные заключения организаций, применяющих на практике данные обычаи или имеющие к ним непосредственное отношение, которые обосновывали бы целесообразность свидетельствования обычаев морского порта. Все предоставленные документы передаются заявителем в одном оригинале и 5 копиях непосредственно в Договорно-правовой департамент ТПП России либо направляются по почте в адрес ТПП России.

На втором этапе происходит согласование и свидетельствование обычаев морского порта. Оно осуществляется в следующем порядке: в течении 15 рабочих дней со дня получения документов, ТПП РФ направляет их специальной постоянно действующей рабочей группе, которая проводит экспертизу и согласовывает данные обычаи.

В течение тридцати рабочих дней после получения документов, указанных участники Рабочей группы направляют в ТПП РФ свои предложения и замечания по обычаям морского порта и, не позднее 15 рабочих дней после получения от участников Рабочей группы замечаний и предложений ТПП РФ обобщает поступившие материалы, а также назначает дату и место проведения заседания Рабочей группы. Если же замечаний у Рабочей группы нет то, решение может быть принято ее участниками в заочном порядке без проведения соответствующего заседания и составления протокола.

На заседании принимается одно из решений – либо обычаи морского порта соответствуют требованиям, установленным действующим российским законодательством и этим Положением, либо обычаи должны быть доработаны с учетом замечаний и предложений участников Рабочей группы. Решение должно быть зафиксировано в протоколе, который составляется по завершении заседания Рабочей группы. Само свидетельствование обычаев морского порта осуществляется ТПП РФ путем выдачи заявителю свидетельства. Обычаям морского порта присваивается регистрационный номер, который проставляется на титульном листе.

По информации ТПП РФ, на сегодняшний день зарегистрированы два обычая делового оборота. В частности обычаи в сфере вексельного оборота, а также «Инкотермс-2010». [5]

С учетом вышесказанного можно сделать следующие выводы: обычаи морского порта – это не предусмотренные законодательством Российской Федерации

правила поведения, сложившиеся и широко применяемые при оказании услуг в порту. Обычаи морских портов не должны противоречить действующему российскому законодательству, а также общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам Российской Федерации. Они должны носить определенный и устойчивый характер.

Литература:

1. “Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)” от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.02.2013) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.03.2013)
2. Юридический словарь // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/17244>
3. Конвенция Организации Объединенных Наций о морской перевозке грузов (заключена в Гамбурге 31.03.1978, вместе со “Статусом Конвенции Организации Объединенных Наций о морской перевозке грузов 1978 года (Гамбург)” (по состоянию на 30 октября 2001 г.))

Саубанов Р.Ф.

Студент 3 курса Стерлитамакского филиала
Башкирского государственного университета
руководитель — к.ю.н., доцент **Бердегулова Л.А.**

КРЕДИТНАЯ КАРТА: УДОБСТВО ИЛИ БЕЗОПАСНОСТЬ?

Многие считают что кредитная карта это очень удобное и безопасное средство осуществления расчета. Чтобы узнать так ли это, необходимо обратиться к истории.

Первые кредитные карты в 1950 году стала предлагать компания Diners Club, которые можно было использовать в разнообразных торговых точках. Первоначально «кредитки» принимали только 14 ресторанов в Нью-Йорке. Однако, несмотря на это, через год ими стали пользоваться уже более 20000 человек.

Сама идея осенила основателя Diners Club Фрэнка Макнамару, когда он пообедал в ресторане и понял, что забыл бумажник.

К 1952 году карты Diners Club принимались в 400 ресторанах, 30 отелях, 200 бюро по аренде автомобилей и 4 цветочных магазинах. Правда, Макнамара все равно посчитал кредитные карты лишь мимолетным увлечением и поэтому в тот же год продал свою долю в компании за \$200000 - сегодня это примерно \$1,6 млн.

К несчастью для Макнамары и его наследников, кредитные карты не были минутным поветрием. Сегодня каждую секунду в мире совершается 10000 кредитно-карточных операций.

В 1958 году Bank of America выпустил первую кредитную карту общего назначения, разослав 60000 настоящих карт BankAmericard добрым людям в Фресно, Калифорния. Идея об этом непрошеном «сливе» кредитных карт посетила сотрудника банка Джозефа Уильямса.

Судя по истории возникновения кредитной карты можно сделать вывод, что даже ее создатели не верили в будущее кредитной карты и считали ее лишь временным увлечением.

Возможность использования кредитных карт порождает массу заблуждений граждан, среди которых следующие:

1) Кредитная карта дает возможность безопасно оплачивать товары и услуги в сети Интернет, бронировать авиабилеты и отели. Да, конечно, каждый из нас может оплатить покупку, услугу с помощью карты, считая что данная операция пройдет абсолютно успешно. Но при этом большинство и не предполагает какое большое количество охотников за легкой наживой царит во всемирной сети. Наиболее распространенный вид мошенничества через интернет - это фишинг, в вольном переводе означает “закидывание удочки”. Термин появился для обозначения новых схем, в результате которых путем обмана становятся доступны реквизиты кредитной карты и ПИН-код. Чаще всего он используется в виде рассылки через Интернет писем от имени банка или платежной системы с просьбой подтвердить указанную конфиденциальную информацию на сайте организации. Так же распространен и

неэлектронный фишинг. Данный вид связан с осуществлением покупок в торговых организациях посредством обязательного ввода ПИН-кода. В схемах неэлектронного фишинга создаются реальные торгово-сервисные предприятия/офисы банков, либо используются уже существующие. Держатели платежных карт совершают покупки товаров, получают услуги либо снимают денежные средства в кассе банка. Операции производятся с использованием кредитных микропроцессорных карт и сопровождаются введением клиентом своего ПИН-кода. Сотрудники мошеннических предприятий негласно копируют информацию с магнитной полосы карты и производят запись персонального идентификационного номера. Далее мошенники изготавливают поддельную кредитную карту, и в банкоматах производится снятие денежных средств со счета клиента. Таким образом, мы видим, что использование кредитной карты, отнюдь, не является безопасным способом платежа.

2) Снятие денежных средств в банкомате проводится по ПИН-коду. Безусловно ПИН-код отличная защита вашей карты. Но у мошенников есть много разных способов, чтобы узнать ваш ПИН-код и номер. Основной среди них, так называемый скимминг. Скиммер (это специальное накладное устройство для банкомата, которое считывает номер вашей кредитной карты), а дальше есть несколько способов узнать ПИН-код:

- сообщник(человек позади вас посмотрит ваш ПИН-код);
- спрей(после чего будут видны клавиши которые вы нажали);
- микрокамера;
- накладная клавиатура.

3) Повторное проведение кредитной карты на картридере, которое может произойти в любом магазине при покупке товаров, в ресторане и т.д.. Официант или продавец может незаметно повторно провести платеж или сделать копию кредитной карты с помощью карманного скиммера.

Из всего перечисленного можно сделать один простой вывод. Кредитная карта несомненно является как удобным средством, расчетов для добропорядочных граждан, так привлекательным объектом мошенничества для лиц, желающих лишить этих граждан их денежных средств. Эти действия подпадают под 159 статью мошенничества в Уголовном кодексе. Со стороны банков возможно применить статью 395 Гражданского кодекса об ответственности “за пользование чужими денежными средствами”, если учитывать то, что посредством действия мошенников страдают не только граждане, но и банковская деятельность. Кредитные карты хоть и претерпевают изменения направленные на улучшение степеней защиты, но все же мошенники стараются не отставать. При использовании кредитных карт, правильным будет ни при каких обстоятельствах не выпускать свою кредитную карту из виду. И если заметили что-то неладное, лучше расплатитесь наличными. Тщательно проверяйте все чеки, а для постоянного контроля подключите к своему мобильному телефону услугу смс-банкинга. Не пользуйтесь подозрительными интернет-магазинами, новыми или с запятнанной репутацией. Кроме того, никто еще не отменял оплату наличными при доставке курьером.

UKD 342.001

Skovronskyy D.M.

aplikant Katedry Teorii i Historii Państwa oraz Prawa Lwowskiego Państwowego Uniwersytetu Spraw Wewnętrznych

SOCJALNE PAŃSTWO PRAWNE: IDEAŁ CZY RZECZYWISTOŚĆ?

Niniejszy artykuł poświęcono zgłębieniu fenomenowi państwa socjalnego, pragnącego zapewnić każdemu obywatelowi godziwe warunki życia, osłony socjalnej, współuczestnictwa w zarządzaniu produkcją, a w ideale prawie jednakowych szans życiowych oraz możliwości do samorealizacji osobistej.

Wyrazy kluczowe: państwo, państwo prawne, państwo socjalne, społeczeństwo obywatelskie, instytucje państwa socjalnego, reforma liberalnie – demokratyczna, normy moralne, normy prawne, konsensus socjalny, czynności socjalnego państwa prawnego.

The article is devoted to disclosure of the phenomenon of social state, which works for providing every citizen with deserving conditions of existence, social protection, participation in production management, equal life chances and opportunities for self-realization of person.

Key words: state, legal state, social state, civil state, social state institutions, liberal democratic reform, moral norms, legal norms, social consensus, social legal state functions.

Pojęcie „państwo socjalne” powstało w pierwszej połowie XIX w. Stosownie ostatecznego określenia tego pojęcia konsensusu nie było osiągnięto – państwo socjalne rozpatrywano jak formę ustroju konstytucyjnego, i jak rodzaj organizacji życia państwowego, jak państwo, pełniące czynności społeczne, i jak charakterystykę państwa prawnego.

W ojczytych naukach społecznych w ciągu trwałego okresu aspekty społeczne państwa socjalnego badają S. Aleksiejew, K. Gadżijew, W. Jeremenko, B. Krasnow, K. Łukaszewa, T. Maconaszwili, W. Mileckyj, S. Moczerny; W. Nowikow; S. Pehudow, W. Pugaczow, N. Rymaszewska, O. Skrypniuk, W. Chara i inni.

Cel danego artykułu polega w zbadaniu socjalnego państwa prawnego jak politycznej organizacji społeczeństwa, w którym istnienie obywateli sterowano centralnie i uporządkowano troską o nich ze strony państwa, występującego jako pierwotna rzeczywistość społeczna współczesnej demokracji i obsługiwanego przez system gospodarczy, przekształcony w wyniku liberalizmu ekonomicznego i wybudowany na zasadach sprawiedliwości socjalnej.

Przyjęcie przez Radę Najwyższą w dniu 28 czerwca 1996 r. nowej Konstytucji Ukrainy dało podstawę stwierdzać o ukończeniu początkowego etapu становienia państwa demokratycznego, socjalnego, prawnego i o początku przejścia do kolejnego etapu – „wcielenia zasad i norm Konstytucji w życie realne społeczeństwa i państwa, w życie każdego konkretnego człowieka mieszkającego na Ukrainie” [1, s. 3]. Nie mniej jednak

idealnie nie zawsze zbiega się z rzeczywistością. Wkrótce po przyjęciu Konstytucji znów zaostriął się spór między zadeklarowanymi normami a rzeczywistą możliwością oraz chęcią ich wcielenia. Chodzi przede wszystkim o trzyczłonową konstrukcję werbalną „państwo demokratyczne, socjalne, prawne”, którego osągnięcie pozostaje do dziś dniem ideałem politycznym. Jakie więc kreatywne i recepcyjne możliwości realizacji ideału socjalnego państwa prawnego istnieją w naszym społeczeństwie? W sensie ideału politycznego wyraz recepcja (z j. łac. receptio – przyjęcie) można wytłumaczyć jak zapożyczenie, dobór, przeróbka/opracowanie, opanowanie przez świadomość społeczną różnych modeli ideału politycznego lub jego parametrów konstrukcyjnych, wypracowanych przez historię. Ale utopijny charakter wielu projektów socjalnych przeszłości polegał na tym, że społeczeństwu narzucano gotowe, niejasne modele, które ono nie zaaprobowало. Jak twierdzi W. Babkin, „naszej nauce społecznej, w tym też prawoznawstwu, pomimo zadeklarowania państwa ukraińskiego jak państwa socjalnego, brakuje opracowania jego koncepcji, uświadomienia znaczenia humanizacji społeczeństwa, zapewnienia ludzkiego wymiaru polityki i prawa” [2, s. 3].

Pojęcie państwa prawnego zawiera ideał normy prawnej jak odzwierciedlenie należnego przyszłego uregulowania prawnego. Ono niby fiksuje perspektywiczny plan należnego. Najbliższe należne z kolei przejawia się w trzeciej stronie ideału: tu wytwarzano wyobrażenie/domniemanie/ o tym, jak należy żyć i postępować ludziom w konkretnych sytuacjach życiowych, żeby nie naruszać istniejących norm prawa. Rzeczywiste rozpatrywano przez pryzmat obowiązkowego, należnego odzwierciedlenia ustaw prawnych. Wyodrębnione w trzech zaznaczonych aspektach ono tworzy łącznie całościowy ideał prawny. I jeśli to stwierdza się, to tylko dzięki temu, że w rzeczywistości państwa prawnego na razie jeszcze przez nikogo nigdzie nie wybudowano (choć zadeklarowano), a to oznacza, że ono jest dla nas idealne. W rzeczywistej drodze ku realizacji tego ideału istnieje mnóstwo przeszkód zarówno o charakterze materialnym jak i duchowym, których należy jeszcze pokonać.

W aspekcie teoretycznym naszym zdaniem w pierwszej kolejności trzeba poszerzyć naukowe traktowanie państwa prawnego i społeczeństwa obywatelskiego (obecnie te dwie kategorie zazwyczaj faktycznie są używane razem). Takie pojęcia, jak „społeczeństwo” i „państwo” przeszły trwałą okres ewolucji tłumaczenia esencjonalnego. I jeśli dzisiaj nadal przestrzegać zwykłego dla nas określenia państwa jak „mechanizmu poparcia panującej klasy nad inną” albo „kija”, to z praktycznego punktu widzenia do właściwego zrozumienia socjalnego państwa prawnego - przez takie traktowanie państwa - wcale nie zbliżymy się. W każdym bądź razie jest jasne, że sprowadzenie istoty państwa tylko do jego natury klasowej w chwili obecnej jest niesprawiedliwe. Przejście do państwa zaznaczonego typu możliwe tylko pod warunkiem dokonania systemowej strategii reform, łączącej w całościowym komplecie ruch do socjalnej gospodarki rynkowej, społeczeństwa obywatelskiego, państwa prawnego o celowym formowaniu insytucji państwa socjalnego. [3, s. 91-92].

Z innej zaś strony, komplikacje, powiązane z formowaniem państwa prawnego polegają na tym, że ten ideał należy do tradycji liberalizmu zachodnioeuropejskiego i mechanicznie nie może zostać przeniesiony do naszej marginalnej kultury politycznej i prawnej. Rzecz w tym, że w perspektywie historycznej sens socjalnego państwa prawnego zmienił się na tyle, że można stwierdzać nawet o przeciwstawności w jego traktowaniu. I jak obecnie okazuje się – państwo prawne odbieraliśmy i odbieramy abstrakcyjnie, w każdym bądź razie, każdy rozumie go po swojemu. Odległość między pożądanym ideałem

a społeczną rzeczywistością polityczną uzyskała w politycznej literaturze prawniczej nazwę „konstytucjonalizmu pozornego”, co znalazło swe odzwierciedlenie w art.1 Konstytucji Ukrainy.

Kolejnym elementem zarówno postanowienia konstytucyjnego jak i ideału politycznego jest państwo socjalne, które też potrzebuje szczególnej uwagi badaczy. „Wraz z niedostatecznym poziomem zbadania danej kwestii - zaznacza W. Horbatenko - do uświadomienia esencjonalnych charakterystyk państwa socjalnego nawołuje potrzeba reanimacji reformy liberalnie – demokratycznej na Ukrainie poprzez jej wypełnienie sensem socjalnym” [4, c. 144-145].

Termin „państwo socjalne” zostało wprowadzone do obiegu naukowego już w 1850 r. przez Lorenza von Steina. Ale jego aktywne opracowanie teoretyczne rozpoczęło się w pierwszej połowie XX w., przeważnie w literaturze niemieckiej. Ostatecznie w sensie politycznej koncepcji prawnej pojęcie „państwo prawne” weszło do literatury naukowej po jego fiksacji w Konstytucji RFN w 1949 r..

W szerokim rozumieniu państwo socjalne uznawano za takie, które dąży do zapewnienia każdemu obywatelowi godziwych warunków istnienia, osłony socjalnej, współuczestnictwa w zarządzaniu produkcją, a w ideale prawie jednakowych szans życiowych, możliwości do samorealizacji osobistości. Wybitny filozof F. Hayek określił pojęcie „socjalny” „wyrazem - łasicą”. On napisał o tym, że podobnie do łasicy, która wysysa ptasie jaja i nie zostawia przy tym widocznych śladów, takie słowa pozbawiają sensu każdy termin, do którego one są dołączane. Słowem socjalny nadużywano na całym świecie, ale najbardziej skrajnych przejawów to nabyło w Niemczech Zachodnich, których Konstytucja 1949 r. mieściła wyrażenie „socjalne państwo prawne”; skąd rozpowszechniło się pojęcie „socjalna gospodarka rynkowa”. F Hayek zaznacza, że wyrazem „socjalny” najczęściej chciano odsłodzić pigułkę używając wyrażenia „państwo socjalne” tam, gdzie w rzeczywistości należałoby użyć terminu „życzliwy despotyzm” [5, c. 201].

Kolejny problem, potrzebujący naszym zdaniem przemyślenia teoretycznego, to korelacja między esencją państwa prawnego a społeczeństwem obywatelskim. Ona nabywa ważnego znaczenia praktycznego. Społeczeństwo obywatelskie to całokształt pojedynczych, niezależnych osobliwości (każda z których ma swoje własne potrzeby, interes prywatny), w którym wyodrębniają się grupy obywateli zgodnie z różnymi zasadami podobieństwa/jedności, tworząc odpowiednie samorządne związki. Centra społeczeństwa obywatelskiego powoływano w celu ochrony własnych, osobistych interesów niezależnych jednostek, czyli obywateli. Jedyne, co ich łączy to konieczność przestrzegania norm prawnych i moralnych oraz przepisów kulturalnych. Ale dzisiaj główną kwestią myśli politycznej krajów Europy Wschodniej jest konflikt między społeczeństwem obywatelskim a państwem.

Wymieniając podstawy tego konfliktu należy przypomnieć, że począwszy od Arystotelesa i do połowy XVIII w. społeczeństwo obywatelskie, traktowano jak zjednoczenie obywateli, podporządkowane określonej władze politycznej, występującej z reguły w postaci arystokracji lub monarchii. Społeczeństwo obywatelskie odbierano wyjątkowo jak ciało polityczne. W związku z powyższym ono występowało jak synonim pojęcia formy rządów lub państwa, czyli ten termin był o wiele węższy od współczesnego pojęcia: to oznacza, że wcześniej w nim były dopuszczalne takie relacje interpersonalne, które były regulowane za pomocą polityki. W wyniku tego powstało pojęcie „społeczeństwa politycznego”.

W czasach nowożytnych inaczej traktowano pojęcia społeczeństwa obywatelskiego

i socjalnego państwa prawnego: ono w tym okresie było rozpatrywane jak społeczeństwo burżuazyjnych właścicieli prywatnych, wolne od regulowania politycznego i ingerencji państwa, gdzie w miejscu panowania politycznego człowieka nad człowiekiem stawiono - zgodnie z zasadą wolności jednostki i własności - stosunki panowania *człowieka nad rzeczami*. Od drugiej połowy XVIII w. następuje formowanie jeszcze jednego traktowania społeczeństwa obywatelskiego, co większością wiąży się z teorią prawa naturalnego okresu Oświecenia i Francuskiej Rewolucji Burżuazyjnej. Jego najbardziej pojemne traktowanie mieści się w podstawowych hasłach Rewolucji Francuskiej: „Wolność”, „Równość” i „Braterstwo”. Takie traktowanie eliminuje wyobrażenie o władzy jak sposobu regulowania stosunków socjalnych [6, s. 125-138]. Ta koncepcja liberalna społeczeństwa obywatelskiego właściwie stanowi podstawę współczesnej jego teorii [7, s. 17-19].

Czy można ją stosować we współczesnym okresie budownictwa państwowego? Można jak określoną formę przejawu ideału politycznego. Nie mniej jednak znani zachodni politolodzy E. Kamensky, J. Lowell, V. Malin, A. Tey i inni sądzą, iż stanowienie społeczeństwa obywatelskiego, powiązane z rozwojem stosunków rynkowych, niewątpliwie przeprowadzi do niezrozumienia a nawet do przeciwdziałania ze strony obywateli, ponieważ ono skutkuje zwiększeniem nierówności socjalnej i ekonomicznej, spekulacją, naruszeniem obyczajów i innymi okolicznościami, negatywnie odbieranymi przez społeczeństwo. Dlatego ci badaczy zwracają uwagę na te problemy, od których pomyślnego rozwiązania będzie zależała możliwość kształtowania społeczeństwa obywatelskiego, w tym też w warunkach współczesnej Ukrainy: rozwój demokracji, kultury powszechnej i politycznej, mechanizmu funkcjonowania stosunków rządzenia, formowania relacji rynkowych [8, s. 21-23]. R. Dahrendorf ostrzegał, że społeczeństwa obywatelskiego nikt nie budował, ono rozwija się samodzielnie, a zadanie państwa polega na tym, żeby stworzyć dla niego odpowiednie warunki [9, s. 44]. Ten problem jest nawet bardzo precyzyjnie formułowany - społeczeństwo obywatelskie lub państwo [10, s. 24-32].

Słuszne przy tym są rozważania E. Bystryckiego: „Dzisiaj jest jasne, dlaczego ideały społeczeństwa obywatelskiego tak ostro przeciwstawiano idei narodowej. Gdy stwierdza się, że jedyny sens idei narodowej polega w tworzeniu Ukrainy dla wszystkich obywateli, Ukrainy, jak państwa prawnego, jak ogólnego państwa obywatelskiego, chodzi przede wszystkim o utrwalenie norm i wartości prawnej organizacji politycznej, łączącej ludzi w granicach Ukrainy. Organizację polityczną narodu utożsamia się z relacjami prawnymi, posiadającymi czysto racjonalną, uniwersalnie - formalną podstawę, w której przestrzeganiu polega podstawowa czynność państwa, mechanizmu państwowego, całego korpusu władz państwowych. Na podstawie tego rodzi się marzenie o organizacji prawnej naszego dezorganizowanego społeczeństwa, o władzy prawnej, nieskorumpowanej, o nie kryminalnej gospodarce i pod. Ale jeśli rozstrzygnięcie kwestii najgłębszej podstawy jednoczenia się ludzi w politycznej całości narodu będzie polegało tylko na zasadach idei społeczeństwa obywatelskiego, to wyniki niestety nie będą pocieszające. Sama koncepcja społeczeństwa obywatelskiego przecież też zakłada określone wyobrażalne/domnimane/zasady współistnienia ludzi. To są uznane, czyli już prawowite normy prawa, wizja prawa, którą aprobuje cała wspólnota. Sens przywiązania szczególnej uwagi do ideałów społeczeństwa obywatelskiego polega we swoistym post - politycznym utrwaleniu jedności społecznej, w utożsamieniu organizacji politycznej i wspólnoty prawnej, albo mówiąc inaczej, w identyfikacji polityki i prawa” [11, s. 333-334].

Stąd wynika, że społeczeństwo obywatelskie jako zjawisko, odzwierciedlające całość wszystkich niepolitycznych stosunków i struktur (ekonomicznych, socjalnych, duchowo – moralnych, rodzinnych, narodowych etc.), istniejące w życiu rzeczywistym, nie jest zobowiązane kooperować z państwem i być niewywłaszczone od niego jak siła, stojąca nad nim. Z pozycji ideału politycznego państwo powinno bazować się na społeczeństwie obywatelskim, a nie dominować nad nim. I to pod warunkiem, gdy prawa jednostki i obywatela są rozpatrywane jak wartość, a ich gwarancja, jak jedna z głównych socjalnych funkcji politycznych państwa.

W praktycznym aspekcie w celu relatywnego osiągnięcia ideału socjalnego państwa prawnego, przy wszystkich celowych wysiłkach, chyba miną wieki, zanim uda się założyć coś wzorem skutecznie działającego socjalnego państwa prawnego, powstającego nie na próżnym miejscu i nie w wyniku przyjęcia pakietu ustaw. Próba realizacji takiego ideału już była, ale na poziomie mechanicznego pojednania „socjalizmu” z „socjalnym państwem prawnym”, co skutkowało rozpadem ZSSR, zaostreniem przeciwstawień międzynarodowych, nasileniem tendencji separatystycznych w powstających na jego obszarze formacji państwowych, kryzysem ekonomicznym i zwiększeniem przestępczości. Wiele decyzji politycznych, podjętych po 1985 r. obiektywnie nie sprzyjały rozwiązaniu konfliktów, a odwrotnie, jeszcze bardziej zaostrzały je.

W jakiej otóż względnej formie może być w praktyce wyrażony ideał socjalnego państwa prawnego? W. Jakuszyk, na przykład, wyodrębnia następujące koncepcje socjalnego państwa prawnego i odpowiednie dla nich teoretycznie i realnie działające modele ustroju politycznego:

– Zachowawczo – demokratyczne, dla których właściwa ochrona instytucji demokracji politycznej i gospodarki rynkowej przy uzasadnieniu konieczności zachowania minimalnej roli państwa w regulowaniu stosunków o charakterze socjalnym i ekonomicznym;

– Socjaldemokratyczne, przewidujące obszerne spektrum uprawnień socjalnych i ekonomicznych oraz wolności obywateli, uwzględniające bardziej problemy rozwoju demokracji bezpośredniej i wysuwające idee socjalizmu jako alternatywę kapitalizmowi;

– Lewicoworadykalne, dopuszczające zachowanie tych bądź innych instytucji władzy autorytatywnej czy autokratycznej w okresie przejściowym, jak też zaprzeczające wartości mechanizmów gospodarki rynkowej;

– Prawicoworadykalne – faszystowskie, nacystowskie etc., dla których jest właściwa ochrona władz autokratycznych, totalitarnych jak socjalnego ideału politycznego;

– Tradycjonalistyczne – narodowo – konserwatywne, nomenklaturowo – konserwatywne, zapewniające zachowanie instytucji stagnacyjnych władz niedemokratycznych.

Uogólniając treści rozmaitych koncepcji socjalnego państwa prawnego, można zauważyć następujące zasady jej budowy: niedopuszczenie przez państwo anarchii w stosunkach społecznych; samowoli ze strony państwa i dominowanie w jego działalności metod regulacji normatywnej stosunków społecznych; obligatoryjne ukształtowanie samowoli państwowej w formę prawną drogą realizacji działalności państwa na podstawie ustaw obowiązujących, posiadających z punktu widzenia państwa najwyższą czynność prawną [12, c. 179]. Otóż we współczesnych warunkach charakter zasadniczy

funkcjonowania państwa prawnego posiada nie tyle dawna idea podporządkowania państwa prawu, ile kwestia charakteru samego prawa. Chodzi o to, że państw „nieprawnych” w ogóle nie istnieje. W każdym państwie istnieją określone ustawy, w tym też w państwie totalitarnym. Nie mniej jednak, gdy dla państwa prawnego w jego traktowaniu demokratycznym podstawowym jest suwerenność narodu jak jedyne źródła władz, podporządkowanie państwa społeczeństwu, priorytet prawa, to w warunkach totalitarnych ono same występuje źródłem prawa i sprawowania władz. Przytoczone koncepcje różnych typów państwa prawnego stanowią swoisty wachlarz ideałów politycznych, wynikających ze stanu świadomości społecznej, kultury politycznej społeczeństwa, mentalności narodowej i pod.. Taki wachlarz całkiem prawdopodobnie może być bardziej obszerny kosztem ekstrapolacji do przyszłości tych bądź innych wyobrażeń o rozwoju współczesnych społeczeństw i możliwości powstawania nowych typów cywilizacji. Jednocześnie nie można wykluczać obecnie utopijnych modeli organizacji i funkcjonowania struktur rządzących, wyglądających jak utopijne. Do danej problematyki może być włączone także historyczne doświadczenie demokratycznych systemów politycznych świata antycznego, średniowiecza, niektórych reżimów „absolutyzmu oświeconego” i „arystokracji oświeceniowej”, jak też szereg innych modeli ustroju polityko – prawnego.

Z innej zaś strony Ukraina obecnie ma do czynienia z takimi poważnymi problemami planu ekonomicznego i społecznego, mogącymi w pewnych okolicznościach zmienić ogólny kierunek rozwoju państwa ukraińskiego w stronę, przeciwną realizacji jej ideału socjalnego państwa prawnego.

Po pierwsze jest jasne, że w warunkach chaosu wybudowanie socjalnego państwa prawnego nie wydaje się możliwe, jak nie można „wyselekcjonować” polityki bez ekonomiki. Z innej strony są znane przykłady z historii, gdy dyktatorskie reżimy wyprowadzały kraj ze stanu stagnacji do rangi ekonomicznie rozwiniętych krajów (Franco, Hitler, Pinochet). Jak też całe doświadczenie historyczne świadczy, że z sytuacji nadzwyczajnej żaden kraj nie wybrnął za pomocą demokracji. Ostatnia nie jest w stanie rozwiązać tego zadania, nawet w przypadku idealnego państwa demokratycznego. Owszem można być biednymi także w warunkach demokracji, ale być biednymi i niewolnikami jest stokrotnie gorzej! Nie mniej jednak nie można wykluczać także takiego wariantu, kiedy z kryzysu ekonomicznego można wybrnąć też bez demokracji.

Po drugie proklamowanie socjalnego państwa prawnego na Ukrainie jest naszym zdaniem możliwe po wyeliminowaniu „błędnych” momentów: sprzeczności prawa i suwerenitetów; niskiej kultury prawnej ludności, która jak wcześniej nie wyczuwa prawdziwego zapotrzebowania we znajomości prawa, nasilenie się przestępczości, która przybrała jakościowo nowego charakteru, ponieważ mafia ukraińska plasuje się na jednym z wiodących miejsc w Europie pod względem wpływu i dochodów.

Po trzecie na drodze zbliżenia się do ideału socjalnego państwa prawnego na Ukrainie najwidoczniej powinny zająć zmiany w relacjach między państwem a jednostką: należy formować psychologię obywatela, a nie poddanego, zasad ideału socjalnego państwa prawnego, jak konieczność pokonania wzajemnego wywłaszczenia jednostki i państwa. Państwo powinno występować jako gwarant naturalnych uprawnień jednostki, przysługujących jej od zawsze, a nie stawić je w pozycję „dam” lub „nie dam”. To przewiduje ciągła i nieustanna sekwencja określonych zasad budownictwa i działalności państwa zaznaczonego typu. Do takich zasad należy: otwartość władz państwowych, ich

demokracja i liberalizm, przywiązanie do pokoju obywatelskiego i zgody społecznej, sprawiedliwości społecznej i solidaryzmu, wreszcie dokonanie celowej osłony socjalnej ludności drogą gwarantowanego zabezpieczenia socjalnego, stabilne wypłaty socjalne i pozostałe działania socjalne.

Do najważniejszych zasad wsparcia stosunków harmonijnych między obywatelami a państwem, sprzyjających wypełnieniu mechanizmu państwowego sensem socjalnym, należą zasady solidarności i subsydiarności. Solidarność przewiduje jedność i celowe pojednanie różnych grup i warstw społeczeństwa dookoła podstawowych, określonych przez państwo celów i wartości, zarówno bieżących, jak i na długoterminową perspektywę. Idea solidarności polega na wsparciu słabszych przez silniejszych, na wzajemnej pomocy i wzajemnych obowiązkach obywateli przed państwem i każdego obywatela przed każdym innym obywatelem. Przestrzeganie wymienionych zasad warunkuje powstanie nowego charakteru władz państwowych i instytucji politycznych, które od stosunków panowania i podporządkowania przechodzą do stosunków solidarności na podstawie konsensusu interesów, równoprawnego kontraktu społecznego i prawdziwego partnerstwa.

Naszym zdaniem praktyczna rozbudowa państwa prawnego na Ukrainie wiąże się ze wzmocnieniem praworządności władz, zapewnieniem w społeczeństwie wolności, z efektywnym funkcjonowaniem zasady podziału władzy i przestrzegania przez jej oddzielne instytucje zasady wyższości prawa, ze zgodnością ustaw z etyką socjalną, wyeliminowaniem licznych naruszeń praw i wolności obywateli, utrwaleniem stabilności ustawodawstwa, dekryminalizacją społeczeństwa.

Podsumowując, można skonstatować, że budownictwo socjalnego państwa prawnego w społeczeństwie ukraińskim wiąże się nie tyle z harmonią doskonałości społecznej, ile z wolnością ciągłego rozwoju, co właśnie jest odzwierciedleniem dążenia ku ideałowi. Z innej zaś strony, gdy przy tym ma się na myśli najwyższy polityczny, ale abstrakcyjny ideał, to wyobrażenie o którymkolwiek konkretnym wizerunku ostatecznej doskonałości jest niemożliwe. Można wówczas stwierdzać jedynie o ciągłym procesie ewolucji.

Rzeczywiście, gdy mowa zachodzi o ideale politycznym, który nie jest materializowanym, i jednocześnie o narodowych wartościach obyczajowych, które można i trzeba bronić już teraz, to może oznaczać jedno z dwóch: albo buduje się wewnętrzny kontrowersyjny paradygmat polityczny, albo za jego pomocą uzasadnia się prawo do politycznej i prawnej wszechwładności, do naruszenia zasad socjalnego państwa prawnego. Konkretna idea prawa wydaje się niezgodną z ideałem abstrakcyjnym, ponieważ świadczy nie o spekulacyjnych korzyściach dla wszystkich w przyszłości, lecz o osiągnięciu oddzielnych praw każdego już i w tej chwili. O ile wszystkie wartości ludzkie ulokowano w przyszłym ideale, a sam ideał – w przyszłości, która zawsze następuje „jutro”, to od jednostki osobiście nic nie zależy, i żadnych ogólnych ludzkich lub narodowych wartości obyczajowych we współczesnej rzeczywistości, czyli „w tej chwili” po prostu nie ma. Dlatego ideał socjalnego państwa prawnego zarówno w szerszym pojmowaniu, jak i w wąskim staje się sensowny dopiero wtedy, gdy on realizuje i zaczyna pełnić funkcje ochrony jednostki jako osobistości i właściwych dla niej dążeń ku zabezpieczeniu własnej godności oraz wolności.

Spis literatury:

1. Медведчук В.В. Конституційний процес в Україні і організація державної влади та місцевого самоврядування / В.В. Медведчук. – К., 1996. – С. 3.
2. Бабкін В.Д. Соціальна держава та захист прав людини / В.Д. Бабкін // Правова держава. Щорічник наукових праць. – Вип. 9. – К., 1998. – С. 3.
3. Милецкий В.П. Российская модернизация: предпосылки и перспективы эволюции социального государства / В.П. Милецкий. – СПб., 1997. – С. 91–92.
4. Горбатенко В.П. Стратегія модернізації суспільства: Україна і світ на зламі тисячоліть / В.П. Горбатенко. – К., 1999. – С. 144–145.
5. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. Хайек. – М., 1992. – С. 201.
6. Пул Р.А. Человек и гражданское общество в истории социальной мысли / Р.А. Пул // Социолог. исследования. – 1991. – № 9. – С. 125–138.
7. Одинцова А.В. Гражданское общество, прошлое, настоящее и будущее / А.В. Одинцова // Социально-полит. науки. – 1991. – № 12. – С. 17–19.
8. The transition from socialism. State and civil Society in the USSR. – Melbyme, 1991. – P. 21–23.
9. Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе / Р. Дарендорф // Вопросы философии. – 1990. – № 9. – С. 44.
10. Тихомиров Ю.А. Законы формирования гражданского общества / Ю.А. Тихомиров // Сов. гос. и право. – 1991. – № 8. – С. 24–32.
11. Бистрицький Є.К. Національна ідея, громадянське суспільство, політична нація / Є.К. Бистрицький // Українська державність у ХХ столітті: історико-політологічний аналіз. – К., 1996. – С. 333–334.
12. Якушик В. Проблемы типологии правового государства / В. Якушик // Философ. и социолог. мысль. – 1993. – № 9. – С. 179.

Косьминых Т.А.

Ст. преподаватель АНО ВПО

«Российская Академия Предпринимательства»,

аспирант кафедры конституционного и международного права СибУПК,

г. Новосибирск, Российская Федерация

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В ОТНОШЕНИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Правовые позиции Конституционного Суда РФ осуществляют достаточно важную регулирующую роль в современной российской правоприменительной практике. Федеральный конституционный закон «О Конституционном суде Российской Федерации» не даёт определения понятия «правовая позиция Конституционного Суда», хотя это понятие используется в ст. 71 настоящего закона[2].

Исследованию правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации посвящено немало научных работ. Особый вклад в изучение правовых позиций внесли следующие учёные-конституционалисты: Г.А. Гаджиев, О.Е. Кутафин, О.В. Лучин, М.Г. Мойсенко, Б.С. Эбзеев и другие.

В настоящее время в юридической науке нет единого мнения по вопросу о том, что следует понимать под правовой позицией Конституционного Суда РФ. По мнению Г.А.Гаджиева, правовые позиции Конституционного Суда РФ имеют характер конституционно-правовых норм. «Правовая позиция Конституционного Суда РФ представляет собой принцип решения юридических дел, обнаруженный на примере исследования конституционности какой-то одной оспоренной нормы. Это своеобразные лекала, которые применимы и для разрешения других сходных юридических дел. Конституционный Суд РФ в последующем иногда воспроизводит правовые в других решениях и таким образом и таким образом генерализирует свои принятые ранее решения»[5, с. 82].

Б.С. Эбзеев утверждает, что правовая позиция Конституционного Суда РФ всегда есть результат официального толкования Конституции или иного нормативно-правового акта. «Правовые позиции Конституционного Суда РФ – это не просто обоснования решения, а сущность решения, это выводы Суда. Являющиеся результатом толкования Судом Конституции РФ...»[9, с. 24].

Таким образом, основой правовых позиций Конституционного Суда РФ является толкование Конституции РФ и оспариваемых нормативно-правовых актов. Соответственно правовые позиции представляют собой результат толкования Конституции РФ, в том числе и в предпринимательской деятельности. Вместе с этим, правовая позиция оказывает влияние на усовершенствование правового регулирования всей сферы предпринимательской деятельности.

К настоящему времени Конституционный Суд РФ сформулировал определённые правовые позиции относительно деятельности коммерческих

организаций, хотя официального толкования статьи 34 Конституции РФ, касающейся определения смысла и содержания права на свободу экономической деятельности, не давал.

В юридической литературе и постановлениях Конституционного Суда РФ неоднократно затрагивались различные аспекты свободы экономической деятельности. Начиная от вопросов понимания принципов экономической свободы и режима частной собственности до сущности и содержания права на свободу предпринимательской деятельности.

Понятие «экономическая свобода» было впервые использовано в Постановлении от 24 февраля 2004 года № 3-П по делу о проверке Конституционным Судом Российской Федерации конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах». В пункте 3 вышеназванного постановления Конституционный суд РФ указывает, что «принципом экономической свободы предопределяются конституционно-гарантируемые правомочия, составляющие основное содержание конституционного права на свободное использование способностей и имущества для предпринимательской и иной незапрещенной законом экономической деятельности». Таким образом, субъекты гражданских прав «вправе определять сферу этой деятельности и осуществлять соответствующую деятельность в индивидуальном порядке либо кооперативе, т. е. путём создания коммерческой организации как формы коллективного предпринимательства, самостоятельно выбирать экономическую стратегию развития бизнеса, использовать своё имущество с учётом установленных Конституцией гарантий права собственности (ст. 35 часть 3) и поддержки государством добросовестной конкуренции (ст. 8 часть 1, ст. 34 часть 2)[4].

На практике, нормы Конституции РФ трудно реализуемы применительно к коммерческим организациям из-за отсутствия в законодательстве конкретизирующих норм относительно этого субъекта права. Вместе с тем современная предпринимательская деятельность остро нуждается в истолковании правовых норм в данной области.

Конституция Российской Федерации лишь устанавливает нормы о конституционно-правовом режиме гражданского оборота, свободном перемещении товаров, услуг и финансовых средств по территории Российской Федерации. Поэтому вопросы судебной защиты прав и законных интересов коммерческих организаций в Конституционном Суде РФ имеют большое практическое значение. Право должно стимулировать развитие предпринимательских отношений, создавать для этого все необходимые условия, так как именно благополучная экономическая ситуация является показателем уровня благосостояния государства в целом.

Так, правовые позиции Конституционного Суда РФ, а равно как истолкование им норм федерального законодательства приобретают огромную значимость при правовом регулировании предпринимательской деятельности. Конституционная защита прав и законных интересов коммерческих организаций осуществляется Конституционным Судом РФ путём признания неконституционными законов и других нормативно-правовых актов. При этом Конституционный Суд РФ разъясняет конституционно-правовой смысл и даёт толкование положений Конституции РФ, посвященных праву на свободу экономической деятельности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном Референдуме 12.12.1993 г.). // «Российская газета». Выпуск от 25.12.1993.
2. О Конституционном Суде Российской Федерации. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1 - ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. - № 13. - Ст. 1447.
3. О внесении изменений в федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Федеральный конституционный закон от 03.11.2010 № 7-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. - № 45. - Ст. 5742.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2004 г. N 3-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы // «Российская газета». Выпуск № 3418 от 2.03.2004.
5. Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1999. № 3 (28).
6. Конституционная экономика / Ответственный редактор Г.А. Гаджиев. – М.,: Юстицинформ, 2010.
7. Кутафин О.Е. Избранные труды. В 7 томах. Том 6. Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица. – М.: Проспект, 2011, - 336 с.
8. Лучин О.В., Мойсеенко М.Г. Формирование правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации по проблемам конституционного права // Теоретические проблемы российского конституционализма. М.: Изд-во ИГиП РАН, 2000.
9. Эбзеев Б.С. Конституционный Суд Российской Федерации: становление, юридическая природа, правовые позиции. Вступительная статья // Комментарии к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации / Отв. ред. Б.С. Эбзеев: В 2 т. М., 2001. Т. 1: Государственная власть. Местное самоуправление.

Науменко Ю.О.

старший слідчий прокуратури
м. Дніпродзержинська Дніпропетровської області

ПРОБЛЕМНІ ПИТАННЯ КРИМІНОЛОГІЧНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ ЗЛОЧИНІВ В УМОВАХ ДІЇ КРИМІНАЛЬНОГО ПРОЦЕСУАЛЬНОГО КОДЕКСУ УКРАЇНИ

Основним завданням кримінологічного дослідження є одержання репрезентативного за обсягом, глибокого за інформаційним змістом матеріалу, заснованого не на простій фіксації ряду кримінологічно важливих ознак, а на виявленні глибинних, системоутворюючих зв'язків між ними.

Кримінолог, вивчаючи злочинність, використовує методи соціології, статистики, психології, прикладної математики і деяких інших наук; застосовує конкретні прийоми, способи, засоби збору, обробки й аналізу інформації про злочинність, аналізує її причини і умови, особу злочинця, а також відшукує методи боротьби з нею.

Методи кримінологічного дослідження поділяються на три групи: збору первинної кримінологічної інформації; її обробки й аналізу; інтерпретації результатів [1, с. 141-147].

20 листопада 2012 року набрав чинності Кримінальний процесуальний кодекс України (далі КПК України), приписами якого, утворено електронну базу даних, відповідно до якої здійснюється збирання, зберігання, захист, облік, пошук, узагальнення даних щодо вчинених злочинів, а саме Єдиний реєстр досудових розслідувань (далі - Реєстр).

Порядок формування та ведення Реєстру регламентовано, КПК України; Положенням про порядок ведення Єдиного реєстру досудових розслідувань, яке затверджено наказом Генерального прокурора України №69 від 17.08.2012 (далі Положення); Інструкцією щодо поводження з ключовими документами і носіями, яку затверджено 05 листопада 2012 року заступником Генерального прокурора України; посібником користувача Реєстром; Інструкцією про порядок приймання, реєстрації та розгляду в органах прокуратури України заяв, повідомлень про вчинені кримінальні правопорушення, затвердженої наказом Генерального прокурора України від 03.12.2012 № 125; Інструкцією з діловодства в органах прокуратури України, затвердженої наказом Генерального прокурора України від 15.01.2013 № 3.

Відповідно до п. 1.3 Положення, Реєстр утворено та ведеться з метою забезпечення:

- єдиного обліку кримінальних правопорушень та прийнятих під час досудового розслідування рішень, осіб, які їх учинили, та результатів судового провадження;
- оперативного контролю за додержанням законів під час проведення досудового розслідування;
- аналізу стану та структури кримінальних правопорушень, вчинених

у державі.

Зазначимо, що новий КПК України дає змогу юристам науковцям та практикам поєднувати можливості усіх трьох груп методів кримінологічного дослідження в унікальному автоматизованому досліднику кримінологічних явищ – Реєстрі.

Збір первинної кримінологічної інформації здійснюється за допомогою реєстраторів на всій території України – кожної секунди слідчі органи та прокурори вносять дані про злочини до Реєстру, і що важливо роблять це не пізніше 24 годин з моменту надходження заяви чи повідомлення про злочин. Вказані законодавчі приписи дозволяють збирати дані про злочинність оперативно (упродовж 24 годин), точно (в Реєстрі негайно заповнюються широкі за змістом статистичні картки), не упереджено (неупередженість забезпечує система прокурорського нагляду), повно та всебічно (відсутня можливість приховати злочин від обліку у Реєстрі).

Обробка та аналіз інформації внесеної до Реєстру здійснюється кожного місяця у формі подачі статистичної звітності керівниками слідчих підрозділів, керівниками прокуратур різних рівнів до держателя Реєстру – Генеральної прокуратури України. В свою чергу Генеральна прокуратура узагальнює інформацію про стан боротьби зі злочинністю в Україні і надає її на розсуд громадськості.

Щодо забезпечення правильної інтерпретації результатів обробки та аналізу вказаної інформації, свої зусилля необхідно буде прикласти усій юридичній спільноті України і юристам науковцям і юристам практикам. Але, сьогодні, про можливість точної та науково обґрунтованої інтерпретації результатів обробки та аналізу відомостей Реєстру казати зарано.

Справа в тому, що при застосуванні усіх трьох вищеперерахованих груп методів кримінологічного дослідження інформації внесеної до Реєстру, виникають проблеми та не вирішені питання, частину з яких ми і висвітлюємо у доповіді.

Перше питання, що постає перед правозастосовною практикою сьогодення: «Чи вносити до Реєстру заяви і повідомлення, в яких не йде мова про злочин, якщо заявник наполягає на внесенні інформації до Реєстру за статтями кримінального Закону?»

Відповіді на вказане питання законодавець не дає, і єдиним логічним виходом із цієї ситуації, є доповнення КПК України та Інструкції про порядок приймання, реєстрації та розгляду в органах прокуратури України заяв, повідомлень про вчинені кримінальні правопорушення, затвердженої наказом Генерального прокурора України від 03.12.2012 №125 положеннями, які дають змогу органам досудового розслідування не реєструвати заяви і повідомлення, в яких не йде мова про порушення кримінального Закону. Значно полегшить вирішення вказаного питання якомога скоріше прийняття Верховною Радою України Закону України «Про кримінальні проступки», адже це дозволить розмежовувати поняття кримінального правопорушення та проступку.

На додачу підкреслимо, що слідчі органи і до періоду набрання чинності новим КПК України були перевантажені численними заявами і повідомленнями про події та дії, які не є злочинами. Велику кількість таких заяв подавали і подають психічно хворі особи та люди похилого віку з іншими розладами здоров'я та суб'єкти правового нігілізму.

Розгляд та кримінологічний облік саме таких заяв, необґрунтованих у силу психофізичних чи гносеологічних особливостей суб'єктів подання, необхідно проводити не вносячи їх до Реєстру.

Разом з тим, необхідно акцентувати увагу реєстраторів на тому, щоб усі накладені та неправдиві заяви і повідомлення про злочини вносилися до Реєстру і по них проводилося повне і всебічне досудове розслідування з подальшим прийняттям обґрунтованого рішення про закриття кримінального провадження. І як наслідок, мало притягнення заявника до кримінальної відповідальності за завідомо неправдиве повідомлення про вчинення злочину (ст. 383 КК України).

Так, за допомогою Реєстру, у юристів-практиків виникає можливість зменшити кількість неправдивих заяв про злочини, і таким чином значно підвищити ефективність та оперативність роботи правоохоронних органів.

Щоб зрозуміти, якою серйозною є вказана проблема для кримінологічного дослідження злочинності, зазначимо, що на даний момент Реєстр переповнений кримінальними провадженнями, які не містять навіть ознак злочину, тобто «фіктивними провадженнями», що звісно, спотворює статистичні дані та не дозволяє вести точний кримінологічний облік злочинів.

Безперечно, найголовнішою проблемою, яка витікає із великої кількості «фіктивних проваджень» є завантаженість органів досудового розслідування та процесуальних керівників не потрібною, заявою роботою. До того ж, вказані прогалини у законодавстві дозволяють моделювати штучний ріст злочинності. Фактично, деякі кримінальні провадження є елементами документообігу, які необхідно вирішувати відповідно до Закону України «Про звернення громадян», як скарги, а не вносити до Реєстру.

Тимчасовим вирішенням кримінологічної сторони проблеми є включення в облік та аналіз тільки кримінальних проваджень, які направлено до суду із обвинувальним актом.

Якщо вказані прогалини не будуть усунуті законодавцем, до кінця 2013 року кримінологічна наука стикнеться з тим, що до Реєстру за звітний період буде зареєстровано таку кількість кримінальних проваджень, що перевищує населення України. Із вказаних показників буде слідувати, що кожен з жителів України, який досяг віку кримінальної відповідальності, міг вчинити хоча б один злочин, що звісно є спотворенням дійсності.

Друге питання, що постає перед правозастосовною практикою сьогодення: «Як органам прокуратури, зокрема процесуальним керівникам, здійснювати моніторинг стану дотримання законності при провадженні досудового розслідування, кримінологічні аналізи, узагальнення в той час, як 99% прокурорів прокуратур мають обмежений доступ до списку розслідуваних проваджень в межах однієї територіальної одиниці?»

Проблема полягає у тому, що повний доступ до списків розслідуваних кримінальних проваджень, в межах однієї територіальної одиниці, мають лише керівники прокуратур та органів досудового розслідування. Безумовно, виходячи із кількості кримінальних проваджень, завантаженості керівників прокуратур та органів досудового розслідування поточною роботою, неможливо якісно вивчати стан злочинності, а тим більше робити аналізи та узагальнення, одноособово

щоденно контролювати законність при провадженні досудового розслідування.

Вказані прорахунки призводять до великої кількості тяганини при провадженні досудового розслідування та не дозволяють повноцінно здійснювати прокурорський нагляд та моніторинг стану злочинності.

Вирішенням вказаного питання є надання доступу прокурорам прокуратур до повних списків кримінальних проваджень – без надання права доступу до змісту провадження (фабули), щодо проваджень в яких конкретний прокурор не є процесуальним керівником.

Вказані заходи дозволять правильно організувати роботу міських прокуратур щодо нагляду за досудовим розслідуванням та проводити більш ретельне вивчення стану злочинності.

Третім проблемним питанням, що постає перед правозастосовною практикою та кримінологічною наукою є недосконалість комп'ютерно-технічних програмних засобів статистичного обліку та аналізу Реєстру.

Знов ж таки, слідчі та прокурори прокуратур взагалі не можуть проводити автоматизований аналіз злочинності, адже така графа для них у реєстрі відсутня, існує тільки фільтр для пошуку відповідних проваджень, який в повній мірі не дозволяє проводити статистичні дослідження.

Відмітимо, що у електронному реєстрі кримінальних проваджень відсутня графа із зазначенням статті кримінального Закону за ознаками якої, зареєстровано кримінальне правопорушення. Даний факт, ускладнює проведення аналізу стану злочинності по категоріях. Тому, електронна база потребує якнайскоріших змін саме у цій частині.

Необхідним для імплементації КПК України та Реєстру у життя є створення розгалуженої системи статистичного аналізу злочинності за окремими категоріями. Зазначені заходи дозволять визначити відсоток ефективності дій слідчих підрозділів при розслідуванні кримінальних правопорушень, а органи прокуратури в свою чергу зможуть взяти під контроль зростання рівня злочинності. За допомогою вдосконаленої системи статистичного аналізу можна буде визначити групи заявників, які найбільше зазнають злочинних посягань та посилювати захист їх прав та свобод.

Крім того, за допомогою потужної системи аналізу злочинності Реєстру можна буде визначити групи людей, які більш за все схильні до вчинення того чи іншого злочину і вивчивши причини і умови, що сприяють зросту злочинності окремої категорії, розробити відповідну державну програму боротьби зі злочинністю.

Реєстр зробив роботу органів досудового розслідування більш прозорою та ефективною. Як приклад наведемо, те, що в умовах дії Реєстру можна провести аналіз ефективності розслідування будь-якого злочину прослідкувавши рух групи кримінальних проваджень від моменту внесення до Реєстру і до розгляду судом по суті. Якщо по окремо взятій групі кримінальних проваджень мали місце зміни підозри, зміни обвинувачення у суді, то звісно стан прокурорського нагляду за досудовим і судовим розслідуванням є незадовільним. Але на відміну від старого КПК України, за допомогою системи кримінологічного обліку та аналізу Реєстру можливо буде в ручному режимі і дуже оперативно керувати підпорядкованими слідчими підрозділами та прокурорами, не допустивши послаблення прокурорського нагляду на тій чи іншій ділянці роботи.

Для реалізації вказаних завдань кримінології та для усунення недоліків Реєстру, необхідно постійно удосконалювати роботу комп'ютерно-технічних та аналітичних підрозділів органів прокуратури України, проводити навчально-методичну роботу з юристами практиками та покращувати застосування методів кримінологічного дослідження злочинності.

Література

1. Курило В.І., Михайлов О.Є., Яра О.С./Кримінологія: Загальна частина. Курс лекцій./Навчальний посібник. – К.: Кондор, 2006. – 192 с

Бердегулова Л. А.

Доцент кафедры гражданского права и процесса

Стерлитамакского филиала

Башкирского государственного университета

кандидат юридических наук

ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Критерий при выборе той или иной политической формы самоопределения — интересы личности, права человека, а потом уже народа, нации. Если та или иная форма самоопределения грубо попирает права человека, она должна быть заменена на приемлемую, или же самоопределение не должно состояться в этой форме. Ни государство, ни группа лиц, напоминает Всеобщая декларация прав человека, не должны «совершать действия, направленные к уничтожению прав и свобод личности» (ст.30) [1].

Самоопределение народа, нации — не самоцель, а лишь средство согласования интересов народов и защиты прав человека, личности. Не человек для нации, а нация для человека — такой подход диктуют нам международное право, подлинно гуманистическое мышление. И иностранный, и наш опыт свидетельствуют: если во внимание принимаются только интересы нации, права личности зачастую попираются, страдают люди, десятки, сотни тысяч лишаются родины, крова, близких, а то и самой жизни.

В наше время особое значение приобретает именно гуманистическое содержание самоопределения. Ст.55 Устава ООН напоминает, что для создания в мире «условий стабильности и благополучия» отношения между государствами должны основываться не только на «уважении принципа равноправия и самоопределения народов», но и на «всеобщем уважении и соблюдении прав человека и основных свобод для всех». Это предполагает повышение уровня жизни, обеспечение полной занятости населения, экономического и социального прогресса, условий для развития и др. (ст. 55 пп. а, с) [2] . Из сказанного следует, что и самоопределение в интересах поддержания дружественных мирных отношений между государствами, обеспечения в мире стабильности должно осуществляться не за счет прав человека (не говоря уже о его праве на жизнь), а через их всестороннюю защиту. Сказанное зачастую игнорируется современными националистами и государствами, которые интересы человека и даже его жизнь приносят на алтарь нации.

Признание права на самоопределение за личностью дает в руки общества ключ к мирному и конструктивному решению и такой сложнейшей проблемы, как право на социальный выбор. Делая выбор между разными формами собственности, методами хозяйствования и, соответственно, направляя свою деятельность в государственный, кооперативный, частный или другой уклад, люди смогут, в известной степени, по-разному социально самоопределяться и в границах одного государства. Для этого нужно, чтобы равноправие форм собственности не только было закреплено законодательно, но и строго соблюдалось на практике, разумно

регулировалось государством (через налоги, таможенную политику и т.п.). Подобно ядерной энергии, частная инициатива — трудно управляемая могучая сила, но и она поддается регулированию, что дает возможность иметь ее столько, сколько полезно для всего общества. Это, конечно, задача на перспективу, но ее следует иметь в виду при решении практических проблем.

Самоопределение личности не подменяет самоопределения народа, нации, а придает ему такие государственно-политические формы, наполняет их таким содержанием, которое соответствует реальным потребностям личности и возможностям общества. Реальные попытки корректировать экономическую политику с учетом интересов личности предпринимаются и за рубежом, и у нас.

Наконец, идея самоопределения направлена на защиту интересов и большинства, и меньшинства, всех сторон в конфликте. Она стимулирует дальнейшее развитие демократии, постепенный отход от повсеместной практики предоставления одной части общества права навязывать свою волю другой только потому, что она получила на выборах на несколько тысяч голосов больше. При этом обычно окончательное урегулирование противоречий, конфликтов подменяется временным урегулированием. Сегодня открывается возможность удовлетворять и интересы меньшинства. О степени демократичности общества начинают судить по положению меньшинства, личности.

Увеличение числа гражданских войн остро ставит вопрос о праве их народов самостоятельно определять свой общественный и государственный строй, решать вопросы своего внутреннего развития. П.1 ст.1 Международных пактов о правах человека определяет рассматриваемый принцип как право «свободно устанавливать свой политический статус и свободно обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие» [3].

Иначе говоря, из принципа самоопределения следует право народа любого государства определять свой политический режим, руководить экономической жизнью своей страны, распоряжаться своими естественными ресурсами, право на развитие, право решать все внутренние вопросы (языка, религии и т.п.). Народ сохраняет за собой указанные права и в случае принадлежности к многонациональному государству, хотя часть этих прав в силу этого обстоятельства передается государству. Что касается общественного строя, то право на его определение признается косвенно («свободно обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие»), и оно должно уважаться другими государствами. Но это не означает, что народ в любое время может «выбрать» любой общественный строй. Характер общественного строя определяется не желанием лидеров и партий, а уровнем производительных сил (прежде всего рабочей силы), особенностями социально-экономического развития общества. Игнорирование этого обстоятельства имеет своим результатом авантюризм, массовую гибель людей, что осуждается международным сообществом, но не дает ему права на интервенцию (Кампучия). В условиях прекращения холодной войны и противоборства двух систем корректировка общественного развития достигается самими народами опять-таки через реализацию принципа самоопределения (КНР, Вьетнам, Лаос).

Итак, в соответствии с принципом равноправия и самоопределения, характер общественного устройства государства детерминируется уровнем социально-

экономического прогресса и средств производства, а политический режим — борьбой и постоянно меняющимся соотношением внутренних политических сил. Для изменения общественного строя требуется время, измеряемое жизнью нескольких поколений, а политического режима — несколько лет. Учет этих объективных причин — *condicio sine qua non* (условие, без которого нет) самоопределения, стабильности.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года // <http://www.kadis.ru>;
2. Устав ООН // <http://www.lawmix.ru>;
3. Пакты о правах человека // http://www.bse.chemport.ru/pakty_o_pravah_cheloveka.shtml.

Бердегулова Л. А.

Доцент кафедры гражданского права и процесса

Стерлитамакского филиала

Башкирского государственного университета

кандидат юридических наук

НАЦИЯ КАК СУБЪЕКТ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Поскольку целью самоопределения является защита не только всеобщего мира, но и человека, она заслуживает поддержки, если осуществляется в соответствии с Уставом ООН (глава VII) [1]. Устав устанавливает общее положение: планы применения вооруженных сил должны составляться Советом Безопасности совместно с Военно-штабным Комитетом (ст.46), который, находясь в подчинении Совета Безопасности, «несет ответственность за стратегическое руководство любыми вооруженными силами», предоставленными в его распоряжение государствами — членами ООН (ст. 47). Поскольку Военно-штабной Комитет не создан, в первой половине 90-х годов неоднократно складывалась ситуация, когда международные вооруженные силы фактически находились под командованием представителя одной державы. Это вызывало конфликты, которых можно было бы избежать, и обрекало такие акции на неудачу (Сомали).

Регулирование внутренних национальных и социальных противоречий и конфликтов осуществляется самим государством, но в соответствии с Уставом. Не исключается использование и международных насильственных средств. ООН и ее органы, указывается в Уставе, уполномочиваются «расследовать любой спор, любую ситуацию, которая может привести к международным трениям и вызвать спор». И если продолжение этого спора или ситуации может создать угрозу не столько международному миру и безопасности, сколько массовой гибели людей (как это было в Уганде), Совет Безопасности уполномочен «рекомендовать надлежащую процедуру или методы урегулирования» не только на основании статьи 33, но и ст. 42. Так, попытки Соединенных Штатов прекратить под флагом ООН гражданскую войну в Сомали, а позже примирить враждующие между собой две курдские партии в Ираке закончились провалом. Сообществу государств, ООН, региональной Организации африканского единства, в частности, в первой половине 90-х годов не удалось предотвратить массовых убийств людей и в Центральной Африке. ООН не смогла оперативно организовать направление туда необходимого контингента войск, а государства не были готовы к выделению соответствующих воинских частей. Вывод: международное сообщество еще не готово к вооруженным методам урегулирования конфликтов.

Если же речь идет о ситуациях, не создающих угрозы всеобщему миру и массовой гибели людей, они должны регулироваться самими государствами в строгом соответствии с основными принципами международного и гуманитарного права (ст. 55).

При принятии решений, связанных с самоопределением, государства,

партии, движения сталкиваются со сложным вопросом: кому оно должно принадлежать. Ученые, политические деятели и дипломаты приложили немало усилий, чтобы разобраться в вопросе. На заре антиколониальных революций было предложено следующее определение: «Субъектом права на самоопределение являются народы, нации и народности, а также народы, состоящие из нескольких наций, народностей или национальных групп, имеющие общую территорию, одну или несколько других общностей (историческую, культурную, языковую, религиозную и т.п.) и объединенные общности цели, которую они хотят достичь посредством самоопределения». Эта дефиниция была подтверждена практикой, подводя известную правовую базу под международное регулирование процесса деколонизации, но не решала полностью вопрос о субъекте самоопределения в независимых государствах.

В п.2 ст.1 Устава, где речь идет о самоопределении, упоминаются не только «народы», но и «нации»; цель ООН — «развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов». Многие, в том числе и автор приведенного определения, отдавая дань традиции («право наций на самоопределение вплоть до отделения»), исходя из не совсем точного перевода (в данном случае) слова «nations» только как «нации», толковали это как признание не только народа, но и нации субъектом права на самоопределение. Это поддержало указанную выше драматическую формулу. Нация действительно может быть субъектом этого права, но только в том случае, когда она одна проживает на самоопределяющейся территории. Если же на этой территории проживают и другие этносы, то правом на самоопределение наряду с ней обладают и они, а субъектом этого права является все население данной территории, «демос, а не этнос».

Толковать приведенное выше уставное положение п.2 ст.1 следует примерно так: ООН ставит своей целью развитие дружественных отношений не только между своими членами-государствами («nations»), но и между народами («peoples»), входящими в состав суверенных государств и не имеющими своего государственного бытия [2].

Для того чтобы такие отношения были возможны, авторы Устава указали, что неотъемлемой составной частью принципа самоопределения является «равноправие народов», подчеркнув тем самым универсальный характер рассматриваемого права: им обладают не только все народы, но и все государства.

В некоторых многонациональных государствах принцип самоопределения народов официально провозглашается в качестве государственно-правового. Право на самоопределение реализуется здесь в формах федерации, автономии — территориальной или национально-культурной и др. В СССР, некоторых других государствах республики формально могли реализовать его в форме выхода из состава государства при соблюдении установленной законом процедуры. Грубое нарушение этой процедуры (игнорирование результатов референдума, несоблюдение пятилетнего срока на оформление выхода и др.) содействовало развалу Союза, глубокому кризису всех постсоциалистических государств.

Конституция РФ 1993 года, признавая право на самоопределение, исключает его реализацию в форме выхода из Федерации. Кстати, право на выход из состава государства не содержится ни в одной конституции существующих в мире, без

малого, двухсот государств и сегодня не поддерживается ООН. Мир исходит из возможности и необходимости обеспечить соблюдение национальных и социальных прав народов в границах существующих государств, и удваивать их число не только излишне, но и опасно.

Литература

1. Устав ООН // <http://www.lawmix.ru>;
2. Белоусова Е.В., Михалева Н.А. Субъект РФ: Правовое положение и полномочия. - М.: Изд-во: Юрид. лит-ра.- 1998. – С. 76.

CONCERNING DEFINITION OF THE PLACE OF A PROGRAM ACT IN THE SYSTEM OF LEGAL SOURCES

The modern process of development of public relations in Ukraine is impossible without state interference. Objectively necessary and simultaneously the most effective measures of the state's influence on the proper processes are the legal. In their number a considerable place is occupied by the measures of the programmatic legal regulation. The form of the last, which in a theory acquires identification with lawmaking activity of public authorities, in this direction are in particular the program acts.

Currently in Ukraine the program acts acquire wide application, become one of forms of both organizational and financially economic, activity, and also lawmaking of the subjects of financial law of different levels. It is predefined by the orientation of such acts on resolving tactical and strategic tasks almost in all spheres of public life.

At the same time it is necessary to notice that the legal nature of the most proper program acts remains indefinite. Therefore, the actuality of the studied topic is conditioned by scientific and practical demand in resolving of the issue concerning the legal essence of program acts, including the governmental special purpose programs, as public regulators of legal relations, their role, place, setting in the system of legal sources.

Generally under the program as the regulator of public relations are understood: 1) complex of concerted (connected) in time, by purpose and performers measures, and also 2) financial means which are selected on realization of such measures, 3) organizational structure which executes and controls implementation of the noted measures and 4) document which contains the proper orders as a norm. In the context of our research (the subject of research are the governmental special purpose programs) the scientific guideline is the last position – the program-document.

The analysis of provisions of modern legal doctrine and domestic legal base allows to establish the absence of unique approach in determination and concept of the program as a legal regulator and its legal nature. At the same time, at a relative separateness in this issue, the orientation of researchers exactly on legal nature of such programs seems common. In particular, it finds its display in understanding of the programs as the form of programmatic administrative, normative legal, legal acts, or as a program document of legal character. It in turn predetermines the necessity of realization of hermeneutic research of the legal programs, including by means of their comparison with the categories "legal norm", "form of right".

Usually among theorists and practitioners there is an idea, according to which the legal programs contain among other provisions also the normative orders, that allows to attribute such documents to the forms of right. Yes, in the general legal theory the legal program is determined as the special act, accepted by a competent authority, which contains legal norms, individual legal orders and non-regulative provisions, differs by the presence of purpose, urgent character of action and construction which corresponds to general principles of program management. From another side the corresponding norms are considered by

separate practitioners and specialists not legal, but programmatic, such that have the specialized form. The marked counterbalance of provisions acquires development foremost through the presence of relative vagueness in the theory of sources of right and financial right in particular, concerning their range and kinds.

Consequently, let's try to define the place of the legal programs in the system of legal sources. Although in the theory of state and law the scientific idea concerning determination of kinds of legal sources (the scientists select from three to seven proper forms), the only common among them is the legal act. The defined legal source by its content, in our view, makes scientific guideline in the decision of our task in comparison with the legal program.

The detailed analysis of a wide range of operating program documents, including governmental special purpose programs which are ratified by the legislative acts of Verkhovna Rada of Ukraine and decisions of the Cabinet of Ukraine, allow to assume that program acts by their properties, from one hand belong to the legal acts, from another in principle differ from their traditional (typical) kinds.

The last in the legal theory are characterized by a set of features, namely: the contents of acts is always made by legal orders, i.e. the logically complete purpose identifiers, decrees, rules, orders, requirements, options; external orders are embodied and directly fixed in the proper units (points, articles, paragraphs, parts etc.) of the text of legal document; any legal act fixes the results of this or that legal practice; the majority of legal acts accepted and realized in an expressly defined judicially procedural form; these are the acts of the legal subjects, stipulated by law, which are issued only within the limits of their powers; the volitional character of legal acts is especially outstanding; not only the will of the state but also the corresponding interests of people, their collectives and organizations is represented in acts; all the acts are imperious, obligatory for addressees; are the regulators of conduct of people; the obligatoriness of acts is provided by different measures: material and spiritual, forced and encouraging, organizational etc.

To the provided list of properties correspond a few classification groups of legal acts: a) normative legal acts (lawmaking acts of competent organs, which contain legal norms, intended, as a rule, on the continuous application and spread on the indefinite circle of people, in particular the laws and subordinate legal acts); b) enabling legal acts (documents of competent organs, which contain imperious orders, applied one time and addressed to particular persons, in particular, sentence of court); c) interpretation acts (acts of official interpretation); d) acts of realization of rights and duties (agreements, other acts-documents which represent the decision of individuals and fix the legitimate actions, in particular agreements between citizens, subjects of menage etc.).

The legal programs (in particular, state special purpose programs), in our view, can't be simply attributed to none of the listed groups. At the same time, the distinctness to such program acts of signs, the aggregate of which corresponds to the specificity to the so-called non-typical (not traditional) legal acts, should be marked. The last in the modern legal field acquire wide application and in the scientific publications declare about their place in the system of legal sources.

Generally under a non-typical legal act in the legal theory is understood the aggregate of legal or legal and other social orders, that includes legal properties and elements of different types (kinds, subkinds) of legal acts or different elements of legal acts of one type (kind, subkind), that represents the will of legal subject (subjects), directed on the complex regulating

of the personal and public relations and causes certain social and legal consequences.

Consequently, to the legal programs, to which particularly belong the governmental special purpose programs, is inherent the combination in contents simultaneously of general and individual legal, social, financial, organizational and other orders which by virtue of their specific character are more specified and full, in comparison with traditional (typical) legal acts, express the will of legal subjects; narrow-mindedness in time and by the circle of persons; presence of significant quantity of program norms; provision of programmatic forms of own implementation; the possibility of acquisition of the form of law, decision of the Cabinet, and at specification - interdepartmental orders, international agreements, public agreements etc.; special procedural judicial form of acceptance.

The provided features of legal program acts are pretending for addition of general description of non-typical (non-traditional) legal acts as a separate type of legal sources, the role of which shouldn't be underestimated. In fact the legal programs, in a number of which a main place is occupied by the governmental special purpose programs, next to typical (traditional) legal acts, directly regulate the wide circle of legal relations, including financial, and need the detailed research from the point of view their non-traditional (non-typical) legal character.

